

МЕНТОВСКИЕ БУДНИ

ПЫЛЬ
НА ПОГОНАХ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Мария Марцева

18
18+

Мария Марцева

Ментовские будни.

Пыль на погонах

<https://litres.ru/73991303>

SelfPub; 2026

Аннотация

Старший оперуполномоченный Александр Воронцов — обычный мент с восемнадцатилетним стажем. Разведён, живёт один, курит, изредка выпивает. Никаких иллюзий о справедливости — только трезвый, циничный взгляд на жизнь и работу в несовершенной системе.

Три дела. Три удара по совести.

Убитый из-за квартиры сосед, за чьей смертью прячется отлаженная схема расселения хрущёвок. Сбитый дорогой иномаркой сторож — и депутатский сынок, которого прикрывают деньги и связи. Звонок голосом человека, которого Воронцов десять лет назад сам похоронил, — и старое дело, в котором стоит его собственная подпись под ложью.

Воронцову будут угрожать, предлагать деньги, каких он за всю жизнь не видел, выдавливать со службы. И каждый раз он будет подходить к той самой тонкой грани, за которую — нельзя. Не из геройства. Просто чтобы по утрам смотреть в зеркало без отвращения.

Содержание

Пыль на погонах	4
Пролог	4
Глава 1. Утро понедельника	11
Глава 2. Сосед по лестнице	22
Глава 3. Долговая яма	31
Глава 4. Свидетель поневоле	38
Глава 5. Старый знакомый	48
Глава 6. Бумажная война	59
Глава 7. Двойное дно	71
Глава 8. Семейные тайны	83
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Мария Марцева

Ментовские будни.

Пыль на погонах

Пыль на погонах

Пролог

Гаражный кооператив «Сигнал» доживал свой век на окраине района, зажатый между железнодорожной насыпью и пустырём, который местные алкаши уважительно называли «поляной». Когда-то, в восьмидесятых, здесь стояли в очередь за «ракушками», водили детей смотреть на новенькие «Жигули», крутили гайки по выходным, выпивали по большим праздникам и по малым тоже. Теперь половина боксов стояла заколоченной, у других вместо номеров висели ржавые жестянки, а на воротах кто-то старательно, с душой, написал баллончиком слово из трёх букв — такое русское, что его не вытравил даже февральский снег.

Снег, впрочем, уже начал таять. Был конец марта, и небо над Москвой висело низкое, серое, набухшее не то дождём, не то ещё одной порцией мокрой каши. Дорожки между га-

ражами превратились в кашу из льда, песка и тёмной грязи, в которой утопали следы редких владельцев, ещё не бросивших свои бетонные коробки.

В боксе номер сто сорок семь горел свет. Не верхний — лампа под потолком давно перегорела, и менять её было некому, — а маленький, жёлтый, от переноски, которую кто-то бросил прямо на земляной пол. Переноска лежала на боку, и её луч упирался в стену, выхватывая из темноты край старого ватника, висевшего на гвозде, банку с засохшей краской и носок ботинка. Ботинок был один. Второй — чуть в стороне, валялся подошвой вверх, как будто его сбросили в спешке.

Человек в ботинке больше никуда не торопился. Он лежал на спине, между смотровой ямой и ржавым верстаком, и смотрел в потолок так, как смотрят только мёртвые — внимательно и без выражения. На виске у него запеклась тёмная корка, рядом, в грязи, тускло поблёскивал кусок арматуры сантиметров сорока длиной. Кровь успела впитаться в землю, смешаться с машинным маслом, превратиться в обычное пятно, каких в этом гараже за тридцать лет накопилось без счёта.

Дверь в бокс была прикрыта неплотно. Сквозь щель тянуло сквозняком, и сквозняк этот шевелил уголок какой-то бумажки, валявшейся у самого порога. Бумажка была сложена вдвое, помята, испачкана с одной стороны. Если бы кто-то нагнулся и поднял её, он увидел бы три цифры, написанные

шариковой ручкой, и одну букву. Цифры были суммой. Буква — первой буквой имени.

Но никто не нагибался. До утра в гаражном кооперативе «Сигнал» оставалось ещё часов шесть, и за эти шесть часов в боксе номер сто сорок семь не произошло ровным счётом ничего. Только переноска моргнула пару раз — садился аккумулятор — да где-то под крышей, в утеплителе, прошуршала крыса, по своим крысиным делам.

А в это время, на другом конце Москвы, в двухкомнатной квартире на пятом этаже хрущёвки, старший оперуполномоченный Александр Сергеевич Воронцов спал последние часы своего отпуска. Спал плохо, как всегда, — на животе, отвернув лицо в подушку, подтянув одну ногу. На тумбочке у изголовья стояла пустая бутылка из-под пива, лежала пачка «Явы» с тремя оставшимися сигаретами и будильник, заведённый на шесть тридцать. До звонка оставалось сорок минут.

Воронцов ещё не знал, что в боксе сто сорок семь его ждёт работа. Не знал, что человек, лежащий там лицом к потолку, последние одиннадцать лет жил с ним в одном подъезде, здоровался по утрам, иногда стрелял сигарету на лестничной клетке и однажды, года три назад, помог дотащить до квартиры пьяного в стельку напарника. Не знал, что через сутки в его кабинете сядет напротив человек, которого он сам, своими руками, отправил на зону двенадцать лет назад. И уж тем более не знал, что эта история — обычная, серая, мартовская

история про долг, квартиру и кусок арматуры — кончится так, что несколько дней потом будет хотеться выпить настоящего. Не для веселья. Просто чтобы стереть.

Будильник зазвенел в шесть тридцать. Воронцов протянул руку, не открывая глаз, нашарил кнопку, придавил. Полежал минуту, прислушиваясь к собственному телу: спина ныла, в висках чуть постукивало, во рту было сухо и противно. Нормальное утро нормального мента после двух недель так называемого отдыха, проведённого в основном на диване с телевизором, в гараже с соседом-таксистом и пару раз — на даче у тётки, бывшей тётки, к которой он ездил забрать какие-то свои старые инструменты, оставшиеся там со времён женатой жизни.

Он сел на кровати, потёр лицо ладонями. За окном начался серый московский рассвет, такой же, как полгода подряд — будто кто-то наверху выкрутил насыщенность до нуля и забыл вернуть. Воронцов встал, пошлёпал босыми ногами в кухню, поставил чайник. Закурил у форточки первую сигарету за день — ту самую, которая, как говорят врачи, сокращает жизнь больше всех остальных. Воронцов в это верил. И всё равно курил. В сорок два года человек уже знает, что от чего сокращается, и делает свой выбор сознательно.

Чайник засвистел. Воронцов налил кипятка в кружку с отколотым краем, бросил пакетик чая, ложку сахара. Сел за стол. Посмотрел в окно. Там, во дворе, дворник-таджик сгребал лопатой грязный снег, и от этого скребущего звука

в голове у Воронцова окончательно прояснилось.

Отпуск кончился. Сегодня — на службу.

Он не знал ещё, что телефон зазвонит раньше, чем он успеет допить чай.

Телефон зазвонил в шесть пятьдесят две. Воронцов посмотрел на экран, увидел фамилию дежурного и понял всё ещё до того, как поднёс трубку к уху.

— Сергеич, доброе утро. С возвращением. У нас труп.

Воронцов глотнул чая. Поморщился — сахар не размешался, осел на дне.

— Где?

— Гаражи на Кабельной. «Сигнал», знаешь?

— Знаю.

— Подъезжай. Уже выехали наши, эксперт там будет минут через двадцать.

— Через сорок минут буду.

Воронцов положил телефон. Допил чай — теперь уже залпом, не разбирая вкуса. Раздавил окурок в блюдце, заменявшем ему пепельницу с тех пор, как настоящую пепельницу разбила кошка, которой у него больше не было. Пошёл в ванную. Побрился наспех, порезался под подбородком, прижал к ранке кусочек туалетной бумаги. Посмотрел на себя в зеркало.

Из зеркала на него смотрел сорокадвухлетний мужик с залысинами, серыми глазами и складками у рта, которые за последние пять лет углубились так, что их уже можно было счи-

тать морщинами. Под глазами — мешки. На подбородке — серая щетина пополам с проседью. Воронцов подмигнул сам себе и сказал вслух, негромко:

— С возвращением, Сан Сергеич.

И пошёл одеваться.

Через двадцать пять минут он уже сидел в своей старенькой «десятке», прогревал двигатель и слушал, как по радио бодрый голос рассказывает про пробки на МКАДе. До гаражного кооператива «Сигнал» отсюда было минут двадцать езды по утренним пробкам. Воронцов закурил вторую сигарету за утро, опустил стекло наполовину, тронулся.

Он ещё не знал, что в боксе номер сто сорок семь его ждёт лицо, которое он много раз видел на лестничной клетке. И что с этого утра начнётся одна из тех историй, после которых на погонах остаётся пыль. Не грязь, не кровь — а именно пыль. Та самая, серая, мелкая, что оседает на всём, чего касаешься в этой работе, и которую потом уже не сдуешь и не смахнёшь. Только привыкнешь жить с ней дальше.

Машина выехала со двора, свернула на Авиамоторную, втянулась в утренний поток. Москва просыпалась — большая, мокрая, серая, равнодушная. Где-то в этом городе уже остывало тело. Где-то уже врала жена. Где-то уже придумывал алиби убийца. И где-то старший оперуполномоченный Воронцов давил на педаль газа, не зная, что эта история окажется длиннее и грязнее, чем все его последние дела вместе взятые.

Отпуск кончился.
Начиналась работа.

Глава 1. Утро понедельника

Кабельная улица встретила Воронцова тем особым московским пейзажем, который не меняется десятилетиями: с одной стороны — глухой бетонный забор какого-то умершего ещё в девяностых завода, с другой — ряды гаражей, уходящие в туман, как ровные зубы во рту у пьяницы, половина которых выбита, а вторая половина держится на честном слове. Над всем этим висели провода, провисшие от старости, и серое небо, которое за утро не стало ни светлее, ни темнее — просто висело и висело, как мокрая тряпка, забытая на верёвке.

Воронцов сбросил скорость, объезжая лужу размером с небольшое озеро, и свернул к воротам кооператива. Ворота были давно сняты с петель, валялись в стороне, и теперь въезд обозначали два бетонных столба, на одном из которых сохранилась облупленная синяя табличка: «ГСК Сигнал. Основан в 1979 г.». На второй табличке, видимо, когда-то были фамилии председателя и его телефон, но время и подростки с баллончиками сделали своё дело.

Возле бокса номер сто сорок семь уже стояли две машины: бело-синяя «Лада-Гранта» патрульного экипажа и видавший виды «Форд-Транзит» экспертов. Воронцов припарковал свою «десятку» чуть в стороне, чтобы не топтать следы, заглушил двигатель и с минуту посидел, докуривая. Спе-

шить было некуда. Покойник, как известно, ждать умеет.

Он вышел, хлопнул дверью, поднял воротник куртки. Под ногами хлюпнуло. Он матюгнулся вполголоса — ботинки были чистые, утром только надел, — и пошёл, выбирая места посуше.

— Сан Сергеич! — донеслось от бокса. — С возвращением.

Возле приоткрытой двери стоял Игнатъев, молодой опер из их отдела, в распахнутой куртке, с сигаретой в углу рта. Игнатъев пришёл в розыск года полтора назад, после армии и юрфака, и до сих пор сохранял в глазах то выражение, которое Воронцов про себя называл «студенческим энтузиазмом». Это пройдёт. Это у всех проходит. Вопрос только в том, что останется потом.

— Здорово, Денис. — Воронцов пожал протянутую руку. — Что у нас?

— Мужик. Лет сорок-сорок пять. Удар тяжёлым тупым в висок. Эксперт говорит, ночью, часа в два-три. — Игнатъев говорил коротко, по делу, и это Воронцову нравилось. — Бокс не его. То есть документов при нём нет, и владелец бокса — какой-то старик, который тут лет пять не появлялся. Председатель кооператива сейчас подъедет, обещал.

— Кто нашёл?

— Дворник. Местный, кооперативный. Ходил утром обход делал, увидел свет в щели, дверь приоткрыта. Сначала подумал, что бомжи греются. Сунулся — а там вот.

— Где дворник?

— В машине у наших сидит, отогревается. Дед лет семидесяти, его трясёт всего. Я ему чаю налил из термоса.

Воронцов кивнул. Заглянул в бокс через приоткрытую дверь, не входя пока. Внутри возился эксперт — Михалыч, тот самый Михалыч, с которым Воронцов работал ещё с тех времён, когда они оба были моложе лет на пятнадцать и волосы у них росли в положенных местах, а не там, где сейчас. Михалыч стоял на коленях у тела, что-то осторожно перекладывал в пакет.

— Михалыч, можно?

— Заходи, Саня. Только аккуратно, я тут половину пола ещё не прошёл.

Воронцов шагнул внутрь. В нос ударил знакомый коктейль — машинное масло, сырость, бензин, что-то химическое от засохшей краски и тот, особый, ни с чем не сравнимый запах, который появляется в помещении, где несколько часов лежит мёртвый человек. Запах был ещё слабый — для марта, для холодного гаража это нормально, — но Воронцов его чувствовал, как охотничья собака чует дичь. За восемнадцать лет работы этот запах вьелся куда-то под кожу, и Воронцов знал, что унесёт его с собой до самой пенсии. Если, конечно, до пенсии доживёт.

Он подошёл ближе, остановился метрах в полутора от тела. Посмотрел.

И в животе у него стало холодно.

Не от ужаса — какой там ужас, на двести каком-то по счёту покойнике, — а от другого, неприятного, личного. Лицо было ему знакомо.

— Михалыч, — сказал он негромко. — Покажи получше.

Эксперт чуть наклонил переноску, чтобы свет падал прямо на лицо. Воронцов нагнулся, всмотрелся. Сомнений не было. На полу, рядом с лужей запекшейся крови, лежал Анатолий Кравцов. Толик с пятого этажа. Тот самый Толик, который жил в квартире напротив. Сосед.

Воронцов выпрямился, отступил на шаг. Достал сигарету, повертел в пальцах, но закуривать в боксе не стал — Михалыч этого не любил, ругался. Сунул обратно в пачку.

— Знаешь его? — спросил Михалыч, не оборачиваясь.

— Знаю, — сказал Воронцов. — Сосед мой. Этажом со мной живёт. То есть жил.

Михалыч поднял голову. Посмотрел на него своими маленькими, выцветшими глазками поверх очков.

— Совсем сосед?

— Дверь в дверь.

— Тогда тебе, наверное, надо начальству докладывать. Чтобы тебя с дела сняли. Конфликт интересов и всё такое.

— Надо, — согласился Воронцов. — Но докладывать буду не сейчас.

Михалыч хмыкнул, ничего не сказал, опять склонился над телом. Он Воронцова знал давно и понимал, что если тот сказал «не сейчас», то это «не сейчас» имеет свои причины.

Может быть, хорошие. Может быть, плохие. Но допытываться Михалыч не станет.

Воронцов ещё раз обвёл взглядом бокс. Старый, запущенный, годами не убиравшийся. Верстак с прикрученными к нему тисками — ржавыми, заклинившими. На стенах — пара полок с пустыми банками, мотками проволоки, бухтами высохшего шланга. В углу — ведро с засохшим раствором. Возле смотровой ямы — деревянные щиты, прикрывавшие её сверху, два сдвинуты, один валялся в стороне.

— Михалыч, в яме смотрел?

— Посветил. Пусто. Грязь, мусор, две бутылки. Старые, пыльные. Туда давно никто не лазил.

— А оружие?

— Вот. — Михалыч кивнул на пакет рядом с собой. В пакете лежал тот самый кусок арматуры, который Воронцов уже видел при первом взгляде. — Сорок два сантиметра, рифлёная, диаметр четырнадцать. Кровь и волосы на одном конце. Отпечатков не будет — на такой поверхности они не держатся, а если кто и брался, то, скорее всего, в перчатке. Сейчас не девяностые, все умные стали, телевизора насмотрелись.

— Бумажку у двери видел?

— Видел. Сфоткал, забрал. Вот, посмотри.

Михалыч протянул прозрачный пакетик. Внутри — клочок бумаги, сложенный вдвое, мятый. Воронцов поднёс его поближе к переноске, развернул через пакет осторожно. Ша-

риковая ручка, синяя паста. Цифры: «350». И буква. «Ц.»

— Триста пятьдесят, — сказал Воронцов задумчиво. — И «Ц.»

— Тысяч, наверное. Не рублей же.

— Не рублей. Ц — это, скорее всего, имя или кличка. Или фамилия. Будем разбираться.

Он вернул пакетик. Постоял ещё немного. Потом сказал:

— Михалыч, ты как закончишь, особенно осмотри ему карманы. И руки. Если он защищался, под ногтями может что-то быть. Хотя по картинке не похоже, что защищался.

— Не похоже, — подтвердил эксперт. — Одного удара хватило. Стояли рядом, спокойно. Может, разговаривали. Потом удар сбоку, со спины почти. Толик упал, не ожидал.

Воронцов отметил про себя это «Толик». Михалыч его уже тоже звал по имени, как будто покойного знал. Так у них всегда было — мёртвые становятся знакомыми быстрее, чем живые.

Он вышел из бокса. На улице после спёртого гаражного воздуха показалось почти свежо. Игнатъев топтался у двери, тушил сигарету о подошву.

— Ну что, Сан Сергеич?

— Жил у меня в подъезде, — сказал Воронцов и закурил наконец. — Кравцов Анатолий. По отчеству, кажется, Викторович. В сорок третьей квартире. Один жил, без жены. Точнее, жена была, но они то ли разошлись, то ли она в Подмосковье уехала, я уж не вникал.

Игнатъев присвистнул.

— Это что же, ты теперь это дело вести не сможешь?

— Это я с начальством решу. Сейчас давай работаем.

Председатель когда подъедет?

— Сказал, через пятнадцать минут.

— Хорошо. Ты пока пройдишь по соседним боксам. Где есть машины, где свет в эти выходные горел — поспрашивай. У кого можно — телефоны запиши. Особенно меня интересует, не видел ли кто вчера вечером или ночью посторонних. Машин, которые тут обычно не стоят. И вообще движения.

— Понял.

— И ещё. — Воронцов посмотрел в сторону патрульной машины, где сидел старик-дворник. — Я пойду с дедом поговорю. А ты, когда председатель подъедет, бери его в оборот. Узнай, кто формально владелец этого бокса, давно ли он тут не появляется, не сдавал ли кому-нибудь. И есть ли у них вообще какой-то учёт, кто сюда ходит. Камеры — само собой, посмотри, есть ли где. Хотя я уверен, что нет.

— А если есть?

— Если есть, проверь, работают ли. И если работают — возьми записи за последние сутки. Только сначала позвони мне, не качай сам, я подъеду.

— Понял.

Игнатъев пошёл к соседним боксам, на ходу доставая блокнот. Воронцов проводил его взглядом, докурил, бросил окурочек в лужу. Окурочек зашипел, задымил, погас. Воронцов

подумал, что, наверное, надо бы бросать курить. Он думал об этом каждое утро лет десять подряд.

Дворника звали Семён Аркадьевич Колесников. Он сидел на заднем сиденье патрульной машины, обхватив обеими руками пластиковый стаканчик с чаем, и руки у него действительно дрожали. Не от холода — в машине было тепло, печка работала. От пережитого. Воронцов сел рядом, прикрыл дверь, дал старику минуту привыкнуть к новому соседу. Не лез. Это он умел — ждать.

Семён Аркадьевич был сухонький, маленький, в стёганой куртке с прожжённым на рукаве пятном, в шапке-ушанке с одним опущенным ухом и одним поднятым, что придавало ему вид немного нелепый, но добродушный. Лицо у него было обветренное, изрезанное морщинами так густо, что глаза терялись где-то в их сетке, а нос с прожилками намекал, что Семён Аркадьевич не чурается принять чарку, особенно по вечерам и особенно в одиночестве.

— Ну как вы, Семён Аркадьевич? — спросил Воронцов мягко. — Отошли немного?

— Отхожу, — сказал дед. Голос у него был хриплый, негромкий. — Сами понимаете... Я ж за тридцать лет здесь всякого видел. И воры лазили, и горели, и драки были. А такого — нет. Такого не было.

— Расскажите, как нашли.

Старик отхлебнул чая. Помолчал.

— Я тут с шести утра. Прихожу, обхожу. Снег, где надо по-

сыпаю, мусор подбираю, если кто бросил. Председатель мне за это платит — копейки, но мне и пенсии бы хватало, я больше для движения. Дома сидеть — помрёшь. — Он опять отхлебнул. — Иду по своему маршруту, значит. Дохожу до сорок седьмого — гляжу, дверь не закрыта. На щель, но не закрыта. И свет внутри, желтоватый такой. Я сразу подумал — опять кто-то залез. У нас же это бывает. Бомжи лезят, греются. Один раз костёр развели прямо в боксе, чуть не сгорели сами и дом не подожгли. Ну я подошёл, говорю: «Эй, кто там?» Никто не отвечает. Я дверь толкнул. И увидел.

— Внутрь заходили?

— Шагнул один шаг. Может, два. Увидел — и назад. И за телефон, в милицию... тьфу, в полицию звонить. Я ж не дурак, понимаю — тут трогать ничего нельзя.

— Правильно сделали. — Воронцов помолчал. — Семён Аркадьевич, а вчера вечером, ночью — вы здесь были?

— Нет, я ж только с утра прихожу. Я в Перово живу, у меня тут не работа постоянная, я проходящий. С шести до десяти примерно. А потом домой.

— А вчера, в воскресенье, до сколько были?

— Вчера до полудня. Воскресенье — короткий день у меня.

— Видели кого вчера? Из тех, кто тут не часто бывает?

Старик подумал. Поморщился, как будто что-то его кольнуло.

— Видел машину. Чёрная такая, большая. Джип, что ли.

Стояла вон там, у поворота к десятому ряду. Я ещё подумал — чего это, новая. У нас тут таких не ездит, у нас тут «жигули» в основном да «москвичи» древние.

— Во сколько это было?

— Часов в одиннадцать утра, около того. Я ещё там был.

— Запомнили что-нибудь? Номер, может?

— Какой там номер, я и марку толком не знаю. Чёрный, большой, четыре двери. Стёкла тёмные.

— Людей видели?

Семён Аркадьевич снова отпил, посмотрел в окно. На лбу у него выступила едва заметная испарина, и Воронцов это отметил. Не торопил.

— Видел, — сказал старик наконец. — Двое из неё вышли. Один сел обратно, остался. А другой пошёл по рядам. Куда — не знаю, я не подсматривал.

— Как выглядел тот, который пошёл?

— А вот этого не скажу. — Дед посмотрел на Воронцова, и Воронцов понял: скажет, но не сейчас. — Далек было, не разглядел.

Воронцов кивнул, не настаивая. Достал визитку, написал на обороте свой мобильный, протянул деду.

— Семён Аркадьевич. Вы сейчас отдохните. Если вспомните что — звоните. В любое время. И вот ещё что. Я с вами ещё подойду, может, сегодня к вечеру, может, завтра. Хорошо?

— Хорошо, — кивнул старик и спрятал визитку во внут-

ренный карман куртки.

Воронцов вылез из машины. В лицо ему ударил мокрый ветер с насыпи, на которой уже грохотала, проползая, утренняя электричка. Воронцов глубоко вдохнул этот ветер, постоял, посмотрел в сторону бокса сто сорок семь.

Толик Кравцов. Сосед. Бумажка с цифрой триста пятьдесят и буквой «Ц». Чёрный джип с тёмными стёклами, который дед видел, но «не разглядел». Понедельник, восемь утра, конец отпуска.

— С возвращением, Сан Сергеич, — сказал он себе вслух во второй раз за это утро.

И пошёл звонить начальству.

Глава 2. Сосед по лестнице

Начальник отдела подполковник Гордеев выслушал доклад по телефону молча, только в трубке слышно было, как он сопит и постукивает ручкой по столу — была у него такая привычка, когда он думал. Воронцов стоял у своей «десятки», прижав плечом телефон к уху и прикуривая третью сигарету, и ждал.

— Значит, сосед, — сказал наконец Гордеев. — Дверь в дверь.

— Дверь в дверь, Олег Петрович.

— И ты, конечно, хочешь дело себе оставить.

— Хочу.

Гордеев помолчал. По уставу, по совести, и по здравому смыслу опера, у которого с потерпевшим личные отношения, от дела надо отстранять. Воронцов это знал не хуже начальника. И Гордеев это знал. И знал, что Воронцов знает. Они оба понимали, как это работает в реальности, а не в учебнике.

— Ближко общались? — спросил Гордеев.

— Да какой там. Здоровались. Сигаретой иногда делились. Раз он мне Лёху пьяного помог до квартиры дотащить, лет несколько назад. Я даже не знал толком, чем человек живёт. Сосед как сосед.

— То есть личной заинтересованности нет.

— Личной нет, Олег Петрович. Просто знаю район, знаю дом, знаю людей в подъезде. Мне раскрутить проще, чем чужому. Чужой неделю будет вникать, кто там кому кем приходится, а я за день.

Это был аргумент, и Гордеев его принял. Не потому, что он был железный, а потому, что отдел был завален по уши, людей не хватало, и отдавать дело на сторону или вешать на кого-то ещё означало плодить лишнюю писанину и терять время. А время по убийству — первые трое суток — самое дорогое.

— Ладно, — сказал Гордеев. — Веди. Но если выяснится, что ты с ним водку пил каждую субботу и должен ему был денег — пеняй на себя. И официально я тебе ничего не разрешал, понял? Если что — сам полез.

— Понял, — сказал Воронцов без обиды. Это была обычная формула. Начальство всегда прикрывало себе спину, и это было правильно, потому что, если не прикроет начальство — кто прикроет его самого, опера?

— Что по версиям?

— Рано говорить. Ударили арматурой, ночью, в чужом боксе. При нём бумажка с суммой и буквой. Похоже на долг. Дед-дворник видел чёрный джип накануне днём. Будем копать.

— Копай. Вечером жду первичку. И, Саня...

— Да?

— С возвращением из отпуска.

Воронцов хмыкнул и отключился. С возвращением, да. Третий раз за утро эту фразу слышит, и каждый раз в ней всё меньше радости.

Он докурил, бросил окуроч и пошёл обратно к боксу. Михалыч уже закончил, тело упаковывали в чёрный мешок двое санитаров из перевозки — молчаливые, привычные, как грузчики. Воронцов проводил взглядом носилки. Толик Кравцов отправлялся в свой последний рейс — в морг, на стол к патологоанатому, где с него снимут последние тайны, какие ещё остались.

— Саня, — окликнул Михалыч, стягивая перчатки. — В карманах у него почти пусто. Ключи от квартиры, мелочь рублей сорок, зажигалка, полпачки сигарет. Телефона нет.

— Нет телефона?

— Нет. Я специально искал. И в боксе нет, и под телом нет, и в яме нет. Забрали.

Воронцов кивнул. Это была первая по-настоящему интересная деталь. Бумажку с долгом убийца оставил — может, обронил, может, не заметил в темноте. А телефон забрал. Значит, в телефоне было что-то, что убийцу связывало с убитым. Звонки. Переписка. Что-то.

— Телефон — это уже разговор, — сказал Воронцов. — Спасибо, Михалыч. Когда вскрытие?

— Думаю, завтра к обеду что-то скажу предварительно. Сегодня и так очередь.

Подошёл Игнатьев — раскрасневшийся, с блокнотом, в

котором уже было исписано несколько страниц.

— Сан Сергеич. Председатель приехал. И я по боксам прошёлся.

— Давай по порядку. Боксы.

— Из тридцати боксов в этом ряду рабочих машин — три. В одном вчера был хозяин, до вечера, уехал часов в семь. Никого подозрительного не видел, но он, честно говоря, всё больше под капотом сидел. Во втором — мужик хранит мотоцикл, зимой не ездит, не появлялся. Третий — какой-то Валера, я телефон записал, его сегодня не было, по соседям — бывает наездами. Камер нет нигде. На въезде была одна, на столбе, но муляж — провода обрезаны года три как.

— Логично, — сказал Воронцов. — Кто ж в такой дыре настоящую камеру повесит. Председатель что?

— Председатель — Розанов Игорь Семёнович, лет шестьдесят. Бокс сто сорок семь по документам числится за неким Прохоровым Алексеем Денисовичем, тысяча девятьсот тридцать восьмого года рождения. То есть деду восемьдесят шесть лет. Розанов говорит, Прохоров уже лет шесть как не появляется, взносы за него платит кто-то по доверенности, переводом. Розанов даже не уверен, жив ли сам Прохоров.

— А кто платит-то?

— Вот это интересно. Розанов говорит — какая-то женщина переводит. Раз в год, скопом. Имя в платёжке — Кравцова. Светлана Кравцова.

Воронцов застыл на секунду. Кравцова. Однофамилица убитого? Или нет?

— Кравцова, значит, — сказал он медленно. — А Толик у нас — Кравцов. Совпадение?

— Думаю, нет, — сказал Игнатьев. — Слишком красиво ложится. Получается, бокс хоть и оформлен на старика Прохорова, но реально за него платит кто-то из Кравцовых. И Толик пришёл сюда не случайно — он этот бокс знал. Может, фактически им пользовался.

— Умница, Денис, — сказал Воронцов искренне. — Соображаешь. Значит, так. Прохорова этого пробей — жив ли, где прописан, кто такая Светлана Кравцова и кем она Толику приходится. По адресной, по базам — всё подними.

— Сделаю.

— А я сейчас домой поеду. К нам в подъезд. Толика-то опознать официально надо, и квартиру его осмотреть, и соседей опросить. С этого и начнём раскручивать, кто он был такой, наш Анатолий Викторович.

Дом, в котором жил Воронцов — и в котором жил покойный Толик Кравцов, — стоял в глубине квартала, пятиэтажная хрущёвка из серого силикатного кирпича, с подъездами, выкрашенными в тот неопределённый зелёно-бежевый цвет, который, кажется, специально изобрели в советское время, чтобы на нём не было видно грязи. Возле подъезда стояли две лавочки, и на одной из них, несмотря на сырость и мартовский холод, уже восседали две бабки в пуховых платках

— местный наблюдательный пункт, мимо которого не проходил ни один человек и ни одно событие.

Воронцов припарковался, вышел. Бабки повернули головы синхронно, как локаторы.

— Сан Сергеич! — окликнула та, что слева, Зинаида Павловна, женщина лет семидесяти с лицом, на котором было написано тридцатилетнее дежурство у этого подъезда. — С приездом! Из отпуска, что ль? А чего ж так рано, с утра, при параде?

— На работу, Зинаида Павловна, — сказал Воронцов, подходя. Он знал: бабки уже всё чувят. У них нюх не хуже, чем у Михалыча. — На работу.

— А Толика-то нашего, говорят, нету, — сказала вторая бабка, Клавдия, понизив голос до заговорщицкого. — Не ночевал. Машина милицейская утром приезжала, я видела. Случилось чего?

Вот это сарафанное радио. Ещё тело в морг не довезли, а в подъезде уже всё знают. Воронцов присел на край лавочки, достал сигареты. Предложил бабкам — те замахали руками, но с уважением. Закурил сам.

— Случилось, Клавдия Ивановна, — сказал он негромко. — Нет больше Толика. Убили его.

Бабки ахнули в один голос, прижали руки к щекам. Но Воронцов видел: за ужасом в их глазах загорелся ещё и тот особый огонёк — азарт. Большое событие. Будет о чём говорить весь следующий год.

— Господи, — выдохнула Зинаида. — Да как же... Кто ж его?

— Это я и выясняю, — сказал Воронцов. — Поэтому, девочки, помогите. Вы про него больше моего знаете. Что за человек был Толик? Чем жил?

И бабки заговорили. Перебивая друг друга, поправляя, споря по мелочам — но в целом картина складывалась. Анатолий Кравцов, сорок четыре года, жил в сорок третьей квартире лет одиннадцать-двенадцать. Раньше жил с женой, Светланой, но та года три как съехала — то ли развелись, то ли разъехались, бабки сами толком не знали, но склонялись к тому, что «гулял он, вот она и ушла». Детей не было. Работал Толик то тут, то там — последнее время, кажется, в автосервисе, машины чинил, руки у него были золотые. Но и пил. Не запойно, но регулярно. И в последние полгода-год — бабки тут переглянулись — стал какой-то нервный. Дёрганный.

— Денег он искал, — сказала вдруг Клавдия уверенно. — Точно тебе говорю, Сан Сергеич. Я как-то слышала, он по телефону на лестнице кричал. Мол, отдам, отдам, дай срок. И матерился. А потом квартирой попрекали его.

— Как попрекали? — насторожился Воронцов.

— А вот так. Я не подслушивала, не подумай, — Клавдия поджала губы, — само в уши лезло, он громко орал. Кто-то ему говорил: квартира, мол, не твоя одна, а ты её... что-то такое. Про квартиру был разговор. Точно про квартиру.

Воронцов докурил. Квартира. Долг. Бумажка с буквой «Ц». Чёрный джип. Жена Светлана, которая, может статься, та самая Светлана Кравцова, что платит взносы за старый гаражный бокс.

— А Светлана, где сейчас, не знаете?

Бабки развели руками. В Подмосковье где-то, говорили. То ли в Балашихе, то ли в Реутове. Точно не знали.

— А сестра у Толика была? Или брат?

— Сестра была, — кивнула Зинаида. — Приезжала иногда. Старше его, серьёзная такая женщина, на машине. Они с Толиком, по-моему, не очень ладили. Один раз тут, у подъезда, чуть не разругались — она ему что-то выговаривала, он ей грубил. Из-за чего — не слышала.

— Имени её не знаете?

— Нет. Но машина у неё приметная — красная такая, маленькая, иностранная. Раза три-четыре приезжала за год.

Воронцов поднялся с лавки, поблагодарил. Бабки смотрели на него с надеждой — что он останется, расскажет подробности, но он уже шёл к подъезду. У него было то самое чувство, ради которого, наверное, он и держался в этой работе восемнадцать лет, несмотря ни на что. Чувство, когда из разрозненных кусочков — бумажки, гаража, испуганного деда, болтливых бабок — начинает проступать форма. Ещё смутная, ещё без лиц. Но уже форма.

Он поднялся на пятый этаж пешком — лифта в хрущёвке не было отродясь. Постоял на площадке. Две двери на-

против: его, обитая старым дерматином, и Толикова — железная, с двумя замками. Воронцов достал из пакета ключи, изъятые из кармана покойного. Опечатывать квартиру официально будут позже, со следователем и понятыми, но заглянуть, оценить — это можно и нужно сейчас.

Он вставил первый ключ в верхний замок, повернул. Потом нижний. Дверь поддалась. И в тот момент, когда она приоткрылась, Воронцов уловил то, чего быть не должно: из квартиры тянуло свежим табачным дымом. Не застоявшимся, не вчерашним. Свежим.

Кто-то курил здесь только что.

Воронцов замер. Рука сама собой легла туда, где под курткой висела кобура. Он толкнул дверь чуть сильнее — и услышал в глубине квартиры, в комнате, торопливые шаги и звук открываемого окна.

— Стоять! Полиция! — рявкнул Воронцов и рванул внутрь.

Глава 3. Долговая яма

Воронцов влетел в квартиру, выдернув пистолет, и в три шага оказался в коридоре. Слева — кухня, прямо — комната, дверь приоткрыта. Из комнаты тянуло табаком и холодом — окно уже было распахнуто настежь. Он рванул туда, выставив ствол, рявкнул ещё раз:

— Стоять, мать твою!

Но в комнате уже никого не было. Только колыхалась тюлевая занавеска на сквозняке, да на подоконнике лежала недокуренная сигарета, дымившаяся прямо на крашеной деревяшке, прожигая в ней очередную чёрную бороздку. Воронцов подскочил к окну, высунулся.

Пятый этаж. Но прямо под окном, метром ниже, тянулся широкий бетонный козырёк над подъездом, а с него — пожарная лестница, ржавая, но крепкая. По ней, уже спрыгнув на землю, улепётывал человек в тёмной куртке с накинутым капюшоном. Бежал быстро, не оглядываясь, вильнул за угол дома — и пропал.

— Чёрт, — выдохнул Воронцов.

Гнаться было бессмысленно. Пока он добежит по лестнице с пятого этажа, гость будет уже за два двора отсюда. Воронцов спрятал пистолет, постоял у окна, переводя дыхание и злясь на себя. Сорок два года, отпуск, мягкое брюхо, прокуренные лёгкие — какие тут погони. Молодой бы рванул

следом, может, и достал. А он только сипел, как старый чайник.

Он вернулся к подоконнику, взял двумя пальцами недокуренную сигарету, осмотрел. Дешёвая, без фильтра почти, «Прима» или что-то в этом роде. Прижёт бы — а тут вон, кто-то опередил. Воронцов огляделся.

В квартире кто-то побывал не для того, чтобы покурить у окошка. Шкаф в комнате был открыт, вещи перевернуты, на полу — выпотрошенные ящики из комода, бумаги, какие-то квитанции, фотографии. Кто-то искал. И, судя по тому, как нервно швыряли всё подряд, искал торопливо и не нашёл — иначе не сбежал бы через окно при первом же звуке ключа в замке.

Воронцов достал телефон, набрал Игнатьева.

— Денис. Ты ещё в гаражах?

— Уже выезжаю, Сан Сергеич.

— Меняй планы. Дуй ко мне домой, адрес знаешь. В Толиковой квартире был чужой. Сбежал через окно по пожарной лестнице, я не догнал. Вызывай эксперта сюда, надо снять отпечатки, окурочек изъять. И следователю позвони, пусть оформляет осмотр по-нормальному, я тут уже наследил.

— Понял, еду.

Воронцов убрал телефон, прошёлся по квартире, заложив руки за спину, чтобы случайно ничего не трогать. Двухкомнатная, точная копия его собственной — те же стены, та же

планировка, тот же серый свет из окна. Только обстановка победнее и неряшливее. Холостяцкая берлога мужика, у которого жизнь пошла под откос. Пустые бутылки в углу кухни. Гора немытой посуды в раковине, покрытая засохшим жиром. На стене — выцветшая фотография: Толик, помоложе лет на десять, в обнимку с миловидной женщиной у моря. Светлана, наверное. Бывшая жена. Когда-то у них было море, отпуск, объятия. А теперь — гараж, арматура и чёрный мешок.

Воронцов знал это чувство. У него самого после развода квартира лет пять выглядела примерно так же. Разница была только в том, что он не пил каждый день и мыл посуду хотя бы раз в неделю. Хотя кто его знает, чем бы всё кончилось, не будь работы. Работа держала. Толика, похоже, не держало ничего.

Он заметил на полу, среди разбросанных бумаг, тетрадку — обычную, школьную, в клетку, с потрёпанной обложкой. Воронцов присел на корточки, перевернул несколько страниц авторучкой, не касаясь руками. И присвистнул.

Это была долговая тетрадь. Записи карандашом и ручкой, разными чернилами, в разное время. Даты, суммы, какие-то имена и клички. «Серому — 15, отдал». «Петровичу за резину — 8». А вот, ближе к концу, несколько раз подряд, обведённое и подчёркнутое: «Циркуль — 350». И ниже: «срок до 20-го». А двадцатое — это было вчера. Воскресенье. День, когда Толик пошёл в гараж и не вернулся.

— Циркуль, — сказал Воронцов вслух. — Вот тебе и «Ц».

Бумажка из гаража. Триста пятьдесят. Буква «Ц». Всё сходилось так аккуратно, что Воронцову стало почти неудобно. Когда всё сходится слишком легко, опытный опер начинает чесаться. Но проверить версию надо было в любом случае, и Циркуль был отличной отправной точкой.

Циркуль. Кличка была Воронцову знакома. Он покопался в памяти — и где-то на краю всплыло: район знал такого. Местный делец из тех, что в девяностые начинали с рэкета, в нулевые перешли на «крышевание» рынков и автосервисов, а сейчас, постарев, осели на ростовщичество и мелком криминальном бизнесе. Давал в долг под бешеный процент тем, кому в банке не дали бы и копейки, — алкашам, игрокам, неудачникам вроде Толика. И выбивал потом так, что мало не казалось.

Воронцов поднялся, постоял. Чувство, что всё складывается слишком гладко, не уходило. Кто-то рылся в квартире. Кто-то забрал телефон из гаража. Если бы Циркуль просто проломил должнику голову — зачем потом лезть в квартиру и переворачивать всё вверх дном? Что искал? Ту самую тетрадку? Или что-то ещё?

Игнатьев приехал минут через двадцать, привёз эксперта — на этот раз не Михалыча, а молодую девушку-криминалиста по имени Оля, деловитую, в очках, с чемоданчиком. Подъехал и следователь — Зимин, флегматичный мужик лет пятидесяти, которого Воронцов уважал за то, что тот

не строил из себя начальника и не мешал работать. Квартиру оформили честь по чести, всё запротоколировали. Окурочек Оля упаковала отдельно — с него можно было снять слюну на ДНК.

— Слюна — это хорошо, — сказал Воронцов. — Если этот придурок есть в базе, мы его вычислим. А он, судя по тому, как лихо по пожарной лестнице сиганул, в базе наверняка есть.

— Если есть, — поправил Зимин рассудительно. — А может, и не быть. Курил-то — может, и не убийца вовсе. Может, кореш покойного зашёл за своими долгами или за бутылкой и испугался.

— Кореш бы не сиганул в окно при слове «полиция», а сказал бы: меня отделали так, что человек остался инвалидом. Тогда Воронцов землю рыл, чтобы доказать причастность Цыбуленко, — и доказал. Циркуль сел. На суде, помнится, смотрел на Воронцова из клетки долгим, нехорошим взглядом и сказал, когда уводили: «Свидимся ещё, начальник. Жизнь, она длинная».

— Я, — сказал Воронцов наконец. — Я его тогда закрывал. Лет на семь, если память не врёт. Вот и свиделись, Геннадий Игоревич.

Игнатьев присвистнул.

— Это что ж получается. Сначала с потерпевшим вы соседи, теперь с главным подозреваемым старые знакомые. Сан Сергеич, да это не дело, это семейный праздник какой-то.

— Угу, — буркнул Воронцов и закурил, хотя в кабинете курить было нельзя. — Праздник со слезами на глазах. — Он затаился, выпустил дым в приоткрытую форточку. — Знаешь, Денис, что мне в этом не нравится больше всего?

— Что?

— А то, что, если Циркуль действительно убил Толика из-за долга — это глупо. Зачем убивать должника? С мёртвого денег не возьмёшь. Должника пугают, ломают пальцы, отбирают квартиру, машину — что угодно. Но не убивают. Мёртвый должник — это убыток. А Циркуль за столько лет в этом бизнесе человек битый, считать умеет. Он бы Толика выпотрошил до нитки, но живым оставил, чтобы тот ещё работал и отдавал.

— Так, может, не специально. Перестарался на «разговоре». Бывает же.

— Бывает, — согласился Воронцов. — Но арматурой по виску — это не «перестарался». Это бьют, чтобы убить. — Он раздавил окурок в пустой консервной банке, служившей в кабинете пепельницей. — Нет, Денис. Тут или Циркуль ни при чём, и кто-то очень удобно подкинул нам его кличку на бумажке. Или Циркуль при чём, но дело не в долге. А в чём-то другом.

— В чём?

Воронцов вспомнил слова бабки Клавдии. «Квартирой попрекали его. Кто-то говорил: квартира, мол, не твоя одна».

— Не знаю пока, — сказал он. — Но чует моё сердце, что

упрёмся мы не в долг. А в квадратные метры. В этом городе из-за квадратных метров режут чаще, чем из-за денег и баб вместе взятых. — Он встал, накинул куртку. — Поехали, Денис. Навестим старого друга. Любопытно мне на него посмотреть. Двенадцать лет всё-таки не виделись. Соскучился, поди.

Игнатъев усмехнулся, поднимаясь.

— А он по вам, думаете, соскучился?

— О, по мне-то он точно соскучился, — сказал Воронцов, гася улыбку. — Он мне на суде обещал свидетелься. Вот, выходит, и сдержал слово. Только надо ещё понять — он меня в гости позвал или это я к нему незванный пришёл.

Они вышли из кабинета. За окном по-прежнему висело серое мартовское небо, и снег во дворе отдела таял, превращаясь в грязные ручьи, утекавшие в решётку ливнёвки. Воронцов посмотрел на эти ручьи и подумал, что вот так же утекает время по этому делу. Первые сутки. Самые важные. А ясности — ноль. Только бумажка, тетрадка, окурок да старый знакомый с долгой памятью.

Долговая яма, в которую угодил Толик Кравцов, оказывалась глубже, чем выглядела с краю. И у Воронцова было нехорошее предчувствие, что на дне этой ямы он найдёт совсем не то, что ожидал.

Глава 4. Свидетель поневоле

К Циркулю в тот день они так и не доехали. Воронцов уже взялся за ручку дверцы своей «десятки», когда зазвонил телефон. Высветился незнакомый номер. Воронцов помедлил секунду — он не любил незнакомые номера, ничего хорошего они обычно не сулили, — но снял.

— Воронцов, — буркнул он.

В трубке кто-то дышал. Тяжело, с присвистом. Потом раздался знакомый хриплый голос:

— Это... Семён Аркадьевич я. Дворник. Вы карточку давали.

— Семён Аркадьевич, — Воронцов сразу сменил тон, потеплел. — Слушаю вас.

— Я тут... — Старик замялся, было слышно, как он сглатывает. — Я вспомнил кое-что. По машине. По той, чёрной. Только не по телефону бы. Вы говорили, подъедете.

— Подъеду, — сказал Воронцов быстро. — Сейчас подъеду. Вы где, дома, в Перово?

— Нет, я тут ещё, в кооперативе. Не ушёл. Дома сидеть не могу, понимаете... Перед глазами стоит он, Толик-то.

— А вы его знали? — Воронцов насторожился. — Толика?

В трубке снова повисла пауза, на этот раз дольше.

— Знал, — сказал наконец дед совсем тихо. — Знал я

его. Вы приезжайте, Сан Сергеич. Я тут, в сторожке у ворот. Только... один приезжайте, ладно? Не люблю я, когда толпой.

— Один так один, — сказал Воронцов. — Двадцать минут.

Он отключился, посмотрел на Игнатьева.

— Дед мне звонит. Дворник. Что-то вспомнил, говорит. И, похоже, Толика знал не так шапочно, как утром сказал. Денис, ты дуй один к Циркулю. Не на разговор пока — на разведку. Посмотри, что за дом, машины какие во дворе, есть ли тот самый чёрный джип. По возможности — номера перепиши. Сам в дом не лезь, понял? Просто оцени. К Циркулю мы вместе пойдём, и не сегодня.

— А чего так? — удивился Игнатьев. — Чего тянуть?

— А того, Денис, что Циркуль — не Толик. К нему голым задом не суются. Он за двенадцать лет, что я его не видел, не помолодел, но и не поглупел. Если он замешан — спугнём, и всё, концы в воду. Если не замешан — он мне устроит концерт с адвокатом и жалобой в прокуратуру за то, что я его без оснований кошмарю. Я его знаю. Поэтому сначала — фундамент. Дворник, потом тетрадка, потом ДНК с окурка. А Циркуль — последним. С козырями на руках.

Игнатьев кивнул, хотя по лицу было видно — молодая кровь рвётся в бой. Это пройдёт, подумал Воронцов в который раз. Сядет он со временем, как и все, и научится ждать. Жалко даже. Энтузиазм — штука редкая, в этой работе изнашивается быстро.

Они разъехались. Воронцов гнал обратно к кооперативу «Сигнал», и небо над ним так и не разъяснилось — всё то же мокрое, серое, безнадёжное. По радио передавали, что к вечеру обещают мокрый снег с дождём. Воронцов выключил приёмник. Думал.

Дед знал Толика. Утром этого не сказал — наоборот, разыграл постороннего, который наткнулся на чужого мертвеца. Зачем? Вариантов было два, как обычно. Либо дед чего-то боится и теперь решился. Либо дед сам в чём-то замешан и теперь хочет первым прибежать и наговорить с три короба, увести в сторону. Воронцов за восемнадцать лет навидался и тех, и других. Свидетели, которые сами прибегают, — самые мутные. Но и самые ценные, если уметь их слушать.

Сторожка у ворот кооператива представляла собой будку из бытовочного вагончика, проржавевшего по углам, с маленьким окошком и трубой буржуйки, из которой вился сизый дымок. Воронцов постучал, толкнул дверь. Внутри было тесно, жарко и накурено. У буржуйки на табуретке сидел Семён Аркадьевич, всё в той же шапке с поднятым ухом, и держал в руках стакан — на этот раз не с чаем. По запаху Воронцов сразу определил: водка. Дед уже принял грамм сто пятьдесят, для храбрости.

— Садитесь, Сан Сергеич, — кивнул дед на второй табурет. — Вот, я уж тут... согрелся маленько. Будете?

— На службе, Семён Аркадьевич, — мягко отказался Во-

ронцов, садясь. — А вы пейте, если душа просит. Сегодня день такой, что можно.

Старик благодарно кивнул, отхлебнул. Руки у него снова дрожали — то ли с похмелья, то ли от нервов, то ли от старости. Воронцов не торопил. Достал сигареты, закурил, протянул пачку деду — тот взял, и эта маленькая общность, дым на двоих в тесной прокуренной будке, сделала своё дело. Между ними протянулась ниточка.

— Вы утром сказали, что машину видели, — начал Воронцов негромко. — А по телефону — что вспомнили про неё. Что вспомнили?

— Номер, — сказал дед. — Не весь. Но три цифры запомнил. Семь-семь-семь. Подряд. Я ещё подумал — блатной номер, у наших таких отродясь не было. И буквы... одна вроде «о». А может, и не «о». Но семёрки точно, три штуки.

Воронцов записал в блокнот. Три семёрки — это уже зацепка. Таких номеров по Москве не сказать, что много, и, если джип проходил где-нибудь по камерам на въезде в район или на трассе — его можно вычислить.

— Хорошо, Семён Аркадьевич. Очень хорошо. — Он помолчал, затаился. И сказал, глядя в маленькое окошко, не на деда — чтобы тому легче было: — А теперь скажите мне про Толика. Вы ж его знали. Утром не сказали. Почему?

Старик вздрогнул, поперхнулся дымом, закашлялся. Долго кашлял, утирая выступившие слёзы тыльной стороной ладони. Потом поставил стакан на пол, у ноги, и ссутулился

ещё больше.

— Откуда вы... — начал он и махнул рукой. — А, ну да. Работа у вас такая. Видите людей насквозь.

— Не насквозь, — честно сказал Воронцов. — Просто слышу, когда человек чего-то недоговаривает. Вы недоговариваете, Семён Аркадьевич. С самого утра. Это не упрёк. Это я вам помочь хочу. И Толику. Ему уже не поможешь по-настоящему, но хоть найти того, кто его. Это ведь тоже помощь, правда?

Дед молчал долго. Буржуйка потрескивала. За тонкой стенкой вагончика шумел ветер, и где-то опять, в третий раз за день, прогрохотала электричка — кооператив жил в ритме железной дороги, под перестук колёс.

— Толик мне... — Семён Аркадьевич запнулся. — Толик тут бывал. Часто. Это бокс-то, сто сорок седьмой — он его держал. Не свой, на чужого деда оформлен, но держал он. Машины там чинил по-тихому, без всякого сервиса, по знакомству, дешевле. И мне иногда трёшку подкинет, пятёрку — за то, что присмотрю, что чужих не пущу. Мы с ним, считай, приятельствовали. Выпивали тут, в этой вот сторожке, не раз. Хороший был мужик, Сан Сергеич. Незлой. Невезучий только. Прямо вот невезучий по жизни, как заговорённый.

— А утром почему смолчали?

— Испугался, — сказал дед просто. И поднял на Воронцова глаза — выцветшие, слезящиеся, но в эту минуту неожи-

данно ясные. — Испугался я, Сан Сергеич. Потому что знаю — из-за чего его. И знаю, что если скажу, то и мне... — Он не договорил, опять потянулся за стаканом.

Воронцов замер, не дав ему допить — мягко придержал руку старика. Не грубо, по-доброму, но твёрдо.

— Семён Аркадьевич. Сейчас — самое важное. Вы выпьете потом, я обещаю, и я вас домой отвезу сам, на машине. Но сейчас скажите. Из-за чего его? Что вы знаете?

Дед опустил руку. Облизнул губы.

— Квартира, — сказал он. — Из-за квартиры всё. Толик мне жаловался, недели две назад вот тут сидели. Говорит, прижали его. Долг повесили, а потом сказали — долг простим, если квартиру перепишешь. А квартира — она не его одного. Там, говорит, доля материна, и сестрина, и ещё какая-то путаница. Он мне всё пытался объяснить, я уж и не упомянул толком. Но суть — квартиру у него выбивают через долг. И сестра в этом замешана, говорил. Сестра родная. Он её... он её боялся, Сан Сергеич. Родную сестру боялся пуще тех бандитов. «Она, — говорит, — Аркадьич, страшнее любого Циркуля. Циркуль хоть понятный, а она — нет».

Воронцов медленно выдохнул дым. Вот оно. То, что он чувал с самого начала. Долг — это была верхушка. Под ней — квартира. А под квартирой — семья.

— Циркуля он называл? — переспросил Воронцов, чтобы убедиться.

— Называл. Это к нему он, дурак, за деньгами полез. А

зачем — я так и не понял. Денег ему вдруг понадобилось много, прям горело. На что — не сказал. Я думал, проигрался, где или влип во что. А теперь думаю — может, это и была ловушка. Может, его специально под долг подвели, чтоб квартиру забрать.

— Кто подвёл?

Дед посмотрел на дверь сторожки. Понизил голос почти до шёпота, хотя кругом на километр не было ни души, кроме ржавых гаражей.

— Не знаю кто. Но в воскресенье, когда джип-то этот чёрный приезжал... человек, который из него вышел и по рядам пошёл, — он к сто сорок седьмому пошёл. Я соврал утром, что не разглядел, куда. Разглядел. К Толиковому боксу. Постоял, подёргал замок — закрыто было, Толика-то ещё не было. И ушёл. А вечером, видать, вернулись. Уже когда Толик пришёл.

— А человек этот — мужчина, женщина?

— Мужик. Крупный. В куртке тёмной, с капюшоном. Лица не видал, врать не буду.

Куртка тёмная, капюшон. Точно, как у того, кто сиганул из Толиковой квартиры через окно. Совпадение? Воронцов не верил в совпадения, но и хвататься за первое сходство не спешил. Курток с капюшонами в Москве — миллион.

— Семён Аркадьевич, — сказал он. — Спасибо вам. Вы сейчас сделали больше, чем целый отдел за день. Но я вас попрошу. Это всё, что вы рассказали, повторить под прото-

кол. Официально. Я понимаю, что вы боитесь. Но без бумаги ваши слова — это просто слова, их к делу не пришьёшь.

Дед сжался.

— Боюсь, Сан Сергеич. Честно боюсь. Я старый, мне терять нечего, вроде. А страшно. Толика вон... за что? За квартиру эту проклятую.

— Я вас прикрою, — сказал Воронцов. И сам поморщился внутренне — потому что знал цену таким обещаниям. Прикрыть свидетеля по-настоящему он не мог. Не было у него для этого ни людей, ни ресурсов, ни программы защиты, как в кино. Мог только пообещать. И надеяться, что обойдётся. — Я вас отвезу домой, оформим протокол спокойно, без свидетелей. И никто пока не будет знать, что вы вообще что-то рассказали. Дайте мне время найти убийцу — а там и говорить уже не о чем будет.

Дед долго смотрел на него. Потом кивнул, тяжело.

— Ладно. Раз обещаете. Везите, Сан Сергеич. Только дайте уж допить. Для смелости.

Воронцов кивнул, отпустил его руку. Дед допил стакан одним глотком, крикнул, утёр рот. Поднялся, шатнувшись, нашарил на гвозде телогрейку.

Они вышли из сторожки. Мокрый снег уже начался — мелкий, противный, лип к лицу, таял. Воронцов помог старику добраться до машины, усадил на переднее сиденье. Сел сам, завёл двигатель, включил печку. Дед привалился к окну, прикрыл глаза. От него крепко тянуло водкой и старостью.

Воронцов тронулся, выруливая со двора кооператива на Кабельную. И уже на повороте, бросив взгляд в зеркало, заметил то, от чего внутри неприятно похолодело — то самое чувство, которое за восемнадцать лет ни разу его не обмануло.

Сзади, метрах в ста, от обочины медленно отделился автомобиль и пошёл за ними. Тёмный. Большой. С тонированными стёклами.

Чёрный джип.

Воронцов не подал виду. Только чуть крепче сжал руль, прибавил газу самую малость, чтобы не спугнуть, и краем рта, не поворачиваясь к задремавшему деду, тихо проговорил:

— Ну здравствуй. А я тебя как раз искал.

Джип держал дистанцию. Не приближался, не отставал. Просто ехал следом — спокойно, уверенно, как хищник, который знает, что добыча никуда не денется. Три семёрки на номере Воронцов разглядеть пока не мог — далеко, грязь, мокрый снег на заднем стекле. Но и без номера всё было ясно.

Их вели. И вели, похоже, давно. С того самого момента, как он вышел из сторожки с дедом.

Воронцов скосил глаза на спящего старика. На обветренное лицо, на дрожащую даже во сне руку, на шапку с поднятым ухом. Свидетель поневоле. Человек, который ничего не хотел, кроме как мести двор за копейки и пить водку по ве-

черам в своей сторожке. И который теперь, сам того не желая, стал самым опасным человеком в этом деле.

— Держись, Семён Аркадьевич, — сказал Воронцов тихо и свернул в проходной двор, прочь от чёрного джипа. — Мы с тобой ещё повоюем.

В зеркале джип качнулся, тоже поворачивая. И прибавил скорость.

Глава 5. Старый знакомый

Чёрный джип сидел на хвосте плотно. Воронцов вильнул в первый же двор — узкий, заставленный машинами, с двумя выездами, — проскочил между мусорными баками, чиркнув боком о чей-то «Логан», и вылетел на параллельную улицу. Джип сунулся следом, но между баками не пролез — задом сдавал к выезду. Этих секунд Воронцову хватило, чтобы свернуть в арку, потом ещё раз направо, потом налево и нырнуть в тупиковый дворик, где он заглушил мотор и выключил фары.

Сидели тихо. Дед посапывал на пассажирском, ничего не заметив, — и слава богу. Воронцов смотрел в зеркало заднего вида минуты три. Никто не проехал. Оторвались.

— Дёшево отделались, — пробормотал он себе под нос и закурил, опустив стекло на сантиметр.

Везти деда в Перово было нельзя. Раз его пасли — значит, знают, где он живёт. Воронцов прокрутил в голове варианты. К себе в отдел везти — глупо, там старика к утру обработают по полной, выжмут протокол, и завтра в его сторожке станет известно пол району, что Колесников «настучал». В гостиницу — на казённые деньги? Смешно. Тогда оставалось одно — к свояку в Кузьминки. Был у Воронцова такой свояк, Витя, муж сестры, мужик молчаливый и непьющий, работал ночным сторожем на каком-то комбинате, днём спал, жил

один в двушке. Воронцов набрал.

— Вить. Привет. Надо человека на пару суток приютить. Старика. Тихий, безвредный, выпивающий. По работе.

Витя помолчал, как всегда, обдумывая каждое слово.

— Привози. Только без водки в дом.

— Бутылку я ему сам выдам по графику, не переживай.

Через час Семён Аркадьевич, ничего толком не понимающий, но уставший сопротивляться, сидел на чужой кухне в Кузьминках и пил чай из чужой кружки. Воронцов взял с него обещание никуда не выходить, не звонить с незнакомых номеров и не открывать дверь никому, кроме Вити и него самого. Дед кивал. По лицу его было видно — он впервые за день начинает понимать, что вляпался по-настоящему.

— Семён Аркадьевич, — сказал Воронцов на прощание, присев перед ним на корточки, как перед ребёнком. — Завтра я приеду со следователем, оформим протокол. Здесь, потихому. Ваши слова — это не для бумажки. Это для того, чтобы поймать тех, кто Толика убил. Договорились?

— Договорились, — пробормотал дед. — Сан Сергеич... а вы сами-то — как? У вас же сейчас тоже хвост.

Воронцов усмехнулся. Старик-то соображал получше, чем казался.

— Я как-нибудь. У меня корки и пистолет. А вы тут сидите.

Он вышел на улицу уже в седьмом часу. Темнело — рано, по-мартовски, мокро. Мокрый снег превратился в обычный

дождь, и фонари расплывались в нём радужными кляксами. Воронцов сел в машину, посидел минуту, собираясь с мыслями. Потом набрал Игнатьева.

— Денис. Ты Циркуля посмотрел?

— Посмотрел, Сан Сергеич. Дом серьёзный, кирпич, два этажа, забор глухой. Камера над воротами — настоящая, не муляж. Во дворе — две машины. Белый «Лексус» и серый «Туарег». Чёрного джипа нет.

— Точно нет?

— Точно. Я три круга сделал вокруг, проверил соседние дворы. Чёрного джипа поблизости — ноль.

Воронцов нахмурился. Это, конечно, ещё ничего не значило — джип мог стоять у кого-то из людей Циркуля, а не у самого хозяина. Но всё же. Картинка опять не складывалась гладко, и Воронцов от этого даже чуть успокоился. Гладкая картинка в его работе всегда была признаком того, что её кто-то рисует специально.

— Ладно. Завтра с утра — к деду, в Кузьминки. Адрес скину. Со следователем, по-тихому, на нашей машине. А сейчас домой, спать. Завтра пойдём к Циркулю.

— Готовиться как?

— Никак. Просто будь к десяти в отделе.

Дома Воронцов выпил сто пятьдесят водки, поел холодных пельменей прямо из кастрюли, лёг на диван, не раздеваясь и проспал восемь часов без сновидений. Тело отказывалось работать дальше без отключения. В половине шесто-

го утра он встал, побрился, выпил кофе, посмотрел в окно. Дождь кончился, но небо опять висело серое — будто его и не меняли со вчера.

В отделе он первым делом пробил по базе номера с тремя семёрками. Таких по Москве оказалось четырнадцать. Из них чёрных внедорожников — три. Один — «Ленд-Крузер», оформлен на ООО «Стройтехсервис», адрес в Бирюлёве. Второй — БМВ Х5, на частное лицо, женщина шестидесяти двух лет, ветеран труда (явно покупали внуку). Третий — «Гелендваген», на ИП Мельников Сергей Петрович, шестьдесят первого года рождения.

Воронцов задержался взглядом на третьем. ИП Мельников. Фамилия ему ничего не говорила. Но он отметил для себя — пробить, кто такой, какой у него бизнес, нет ли пересечений.

В девять пятьдесят пришёл Игнатъев — выспавшийся, выбритый, в чистой рубашке. Воронцов оглядел его и хмыкнул.

— Денис, ты в гости собрался или к подозреваемому?

— А есть разница?

— Есть. К подозреваемому надо приходиться так, чтобы он сразу понял — ты не в гости. Сними галстук.

Игнатъев молча снял.

К дому Циркуля подъехали в одиннадцать. Картинка была ровно такая, как описал Игнатъев: глухой кирпичный забор, ворота с домофоном и камерой, по верху — спираль колючей проволоки, на которой висели мокрые листья и обрыв-

ки целлофана. Дом не нувориша, а человека, который знает, кого и чего бояться. Воронцов нажал кнопку домофона.

— Кто? — раздался женский голос, молодой.

— Полиция. К Геннадию Игоревичу. Воронцов.

Молчание. Потом тот же голос, без интонации:

— Ждите.

Ждали минут пять. Воронцов знал — внутри сейчас идёт совещание. Хозяин смотрит в монитор, узнаёт. Прикидывает. Звонит адвокату. Адвокат говорит: впусти, по-нормальному, не дай повода. И только после этого — щелчок замка.

Калитка открылась. Их встретил парень лет тридцати, в спортивном костюме, с лицом, в котором никаких эмоций не было вообще, — ни злости, ни приветливости, ни любопытства. Профессиональное лицо. Молча кивнул на дом, пошёл впереди.

Внутри было тепло, пахло хорошим кофе и сигарами. Прихожая отделана деревом, на стене — головы каких-то рогатых животных, видимо, охотничьи трофеи. По коридору — в большую комнату, нечто среднее между гостиной и кабинетом: камин, кожаные кресла, большой стол, на столе — раскрытый ноутбук и фарфоровая чашка.

И в одном из кресел — он. Циркуль. Геннадий Игоревич Цыбуленко.

Воронцов посмотрел на него и подумал: время не пощадило никого. Двенадцать лет назад из клетки на Воронцова смотрел крепкий, поджарый мужик с быстрыми глазами

и тяжёлыми руками. Сейчас в кресле сидел располневший, отёкший, с обвисшими щеками человек, у которого по виску шла косая седая прядь, а под глазами набухли мешки. Только глаза остались те же — внимательные, цепкие, всё видящие.

— Сан Сергеич, — сказал Циркуль негромко, не вставая.

— Сколько лет, сколько зим.

— Здорово, Геннадий Игоревич, — кивнул Воронцов и сел в кресло напротив, не дожидаясь приглашения. Игнатъев остался стоять у двери. — Хорошо живёшь.

— Живу. — Циркуль развёл руками. — На пенсии, болячки да процедуры. Какая там жизнь. Кофе будешь?

— Не откажусь.

Это была игра. Циркуль показывал, что не боится. Воронцов показывал, что пришёл по-серьёзному, но без истерики. Парень в спортивном принёс ещё две чашки, поставил молча, ушёл, прикрыв дверь. Они остались втроем — двое за столом и Игнатъев у входа.

— По делу или соскучился? — спросил Циркуль, прихлёбывая.

— По делу.

— Слушаю.

Воронцов отхлебнул кофе. Кофе был хороший, дорогой.

— Кравцов Анатолий Викторович. Знал такого?

Циркуль свёл брови, как будто припоминал. Хорошо играл. Двенадцать лет на зоне и тридцать лет в этом ремесле научили его держать лицо так, что даже Воронцов не мог

уловить — врёт или вспоминает на самом деле.

— Кравцов... — повторил Циркуль. — Подсказывай.

— Жил в моём подъезде. Сорок четыре года. Машины чинил. Тебе денег был должен — триста пятьдесят. По его записям, срок отдавать был позавчера.

— А, этот, — Циркуль кивнул и поставил чашку. — Толик. Толик-Жигуль, его так звали. Должен, не отрицаю. Сан Сергеич, ну ты ж сам понимаешь — это не запретное дело. Это гражданско-правовое. Дал в долг, взял расписку, проценты оговорили. Не отдаст — пойду в суд. У меня всё чисто, бумаги в порядке, я тебе любому юристу покажу.

— У него нашли бумажку. В гараже, где его убили. С твоей кличкой и суммой.

Циркуль замолчал. Поправил часы на запястье — массивные, золотые. Подумал.

— Где его убили — это меня не касается, — сказал он медленно. — Куда он мою бумажку дел — это его дело. Может, в карман себе сунул, чтоб не забыть. Я ему расписку выдавал на встрече, копию ему отдал. Что он с ней делал — спрашивай у него. А, не у кого спросить. — Циркуль развёл руками с грустной улыбкой. — Жаль человека, конечно. Невезучий был.

— Так ты в курсе, что его убили?

— А кто ж не в курсе. Район маленький, слухи летят.

— И где ты был ночью с воскресенья на понедельник?

Циркуль медленно улыбнулся. Улыбка была неприятная

— старая, заученная улыбка человека, который этот вопрос слышал в своей жизни раз пятьдесят.

— Дома был, Сан Сергеич. Здесь. С женой. Жена подтвердит, охрана подтвердит, камеры подтвердят — у меня запись с воскресенья сохранена, заберёшь, посмотришь. Не выходил никуда, давление подскочило, я даже скорую вызывал в десять вечера. Бригаду найдёшь, врач подтвердит. Всё чисто.

Слишком гладко. Слишком готово. Циркуль знал, что к нему придут, и заранее построил себе алиби. Может, реально болел и реально скорую вызывал. А может, болезнь была срежиссирована именно для алиби. Воронцов прекрасно понимал, что вытряхнуть из такого алиби что-то — задача на недели.

— А долг ты собирался выбивать как? — спросил он. — Толик не отдал в срок.

— А никак, — пожал плечами Циркуль. — Я ему время хотел дать ещё. Парень нормальный, работающий, отдал бы. Я не зверь, Сан Сергеич, ты меня знаешь.

— Я тебя знаю, — согласился Воронцов. — Поэтому и не верю.

Циркуль улыбнулся опять.

— Это твоё право. Твоё дело меня не любить. Моё дело — соблюдать закон. Я двенадцать лет своё отсидел, по твоей, между прочим, милости, и больше не хочу. Зачем мне на старости лет махать арматурой? У меня здоровье. У меня внуки. Я нынче пенсионер с лицензией на травмат, плачу

налоги.

— Циркуль, — сказал Воронцов, наклоняясь чуть вперёд. — А скажи мне одну вещь. Ты Толику долг прощал в обмен на квартиру?

Циркуль не вздрогнул. Не моргнул. Но Воронцов, восемнадцатилетний, смотревший на таких в упор, увидел: попал. На какую-то долю секунды в глазах напротив проскочило не удивление даже, а раздражение. Раздражение человека, у которого зацепили ту самую тему, которую он надеялся обойти.

— Какую квартиру? — переспросил Циркуль ровно.

— Ту самую. На пятом этаже. Соседи слышали, как с ним по телефону разговаривали про квартиру. И ему, и я думаю, не только ему. Кто заходил к нему, Гена? Кто хотел его метры?

Циркуль молчал секунд десять. Потом сказал — медленно, выбирая слова, как ходят по льду:

— Сан Сергеич. Я тебе вот что скажу. По-стариковски. По-доброму. Ты сейчас лезешь не туда, куда надо. Толика убили не из-за моих трёхсот пятидесяти. Это я тебе говорю как человек, который этот мир знает изнутри. Из-за моих трёхсот пятидесяти не убивают — это копейки, размен. Если хочешь — заberi у меня все его расписки, прикрою долг, спишу. Мне без разницы.

— Из-за чего же тогда?

— А вот это уже не моё дело. И тебе советую: не лезь. У

тебя погоня, у тебя пенсия впереди. Ты мужик неплохой, я зла на тебя не держу, я тогда сам облажался — поделом мне. Но в это дело — не лезь.

Это была не угроза. Угроза прозвучала бы по-другому. Это было предупреждение — то самое предупреждение, которое старый волк делает молодому, не из жалости, а потому, что молодому не место там, куда он сунулся.

Воронцов выдержал паузу. Допил кофе. Поставил чашку. — Запись с камер дашь?

— Заберёшь у Артёма на выходе. Я ему скажу.

— И список тех, кто Толику ещё был должен или кому он был должен — если знаешь.

— Не знаю. Толик мне не отчитывался, у меня одно дело с ним было. Что у него с другими — без понятия.

Воронцов встал. Игнатъев у двери шевельнулся. Циркуль не поднялся, только проводил их взглядом.

— Сан Сергеич, — окликнул он уже в спину. — А дворника-то ты куда дел?

Воронцов остановился. Медленно повернулся. Циркуль смотрел на него спокойно, прихлёбывая кофе.

— Какого дворника? — спросил Воронцов так же спокойно.

— Колесникова. Семёна Аркадьевича. Дом-то у него в Перово пустой со вчерашнего вечера. Соседи беспокоятся. Я ж по-доброму спрашиваю. Дед-то старый, мало ли.

Воронцов смотрел на него три секунды. Потом улыбнулся

— той самой улыбкой, которой улыбался всегда, когда понимал, что попал в самую гущу и обратной дороги уже нет.

— Спасибо за кофе, Геннадий Игоревич. До скорого.

Они вышли. На улице Игнатъев молчал до самой машины. Сел, захлопнул дверь, выдохнул.

— Сан Сергеич. Он же про деда знает. Откуда?

— Оттуда, Денис, — сказал Воронцов, заводя двигатель.

— Что чёрный джип вчера ехал не за нами. А за дедом. И что Циркуль если и не убийца, то очень в курсе. И что мы с тобой влезли в такую дыру, что вылезать будем долго и грязно.

Он тронулся. В зеркале заднего вида ворота дома Циркуля закрывались медленно, как челюсти.

— И ещё, — добавил Воронцов. — Дворника надо перевозить. Сегодня же. Кузьминки засветились.

Глава 6. Бумажная война

Свояка Воронцов разбудил звонком прямо из машины, не доехав до отдела. Витя выслушал молча, как всегда, и так же молча согласился: деда перевезти. К двенадцати дня Семён Аркадьевич, недоспавший, недопивший и не до конца понимающий, что происходит, уже сидел на новом месте — в однокомнатной квартирке у двоюродной тётки Витиной жены, в Бирюлёве. Дальний угол, чужой район, никаких пересечений с прежней жизнью. Тётка, Антонина Петровна, женщина шестидесяти пяти лет, бывшая бухгалтерша, согласилась за две тысячи в день и обещание Воронцова «помочь, если что». Она пожала плечами: «У меня телевизор, диван, кефир в холодильнике. Пусть живёт. Главное — не курит в комнате».

Дед обещал курить только на балконе. И не звонить никому со своего телефона — телефон Воронцов у него забрал и положил себе в карман, выключив. Заменил кнопочной «нокией» из тех, что валялись в отделе пачками после очередной операции и которые никто не успевал утилизировать. На новой «нокии» был один контакт — «Сергеич». Всё.

— Семён Аркадьевич. Если что — звоните только мне. И не открывайте дверь никому, кроме Антонины Петровны. Я заеду вечером.

— Заедете — водки привезите, — мрачно сказал дед. —

Без неё я тут с ума сойду, в этой клетке.

— Привезу, — пообещал Воронцов. — Полбутылки. На двое суток. Чтобы не запили.

Дед кивнул угрюмо. Понимал, что торговаться не приходится.

Воронцов спустился во двор, сел в машину. Закурил. Время — час дня. С момента, как нашли Толика, прошло чуть больше суток. По всем нормативам, по всей логике розыскной работы — это ещё разгар, самое начало. Но Воронцов знал: с этого момента и до конца дела пойдёт другая игра. Не оперативная — бумажная. И в этой игре противники у него будут не Циркуль и не неизвестная сестра, а свои же.

Так и вышло.

В отделе его уже ждали. Подполковник Гордеев вызвал к себе, едва Воронцов переступил порог дежурной части. Секретарша Лидочка, увидев его, сделала большие глаза и одними губами шепнула: «Злой». Воронцов кивнул, поправил куртку, постучал.

— Заходи, — донеслось из-за двери.

Гордеев сидел за своим столом, перед ним лежала папка с делом — тонкая ещё, со вчерашней первичкой. Слева от папки — чашка с остывшим чаем. Справа — мобильный, экраном вниз. Когда Воронцов вошёл, начальник не поднял головы.

— Садись.

Воронцов сел. Молча. Знал: первое слово должен сказать

тот, кто вызвал.

— Звонили сверху, — сказал Гордеев наконец, поднимая глаза. Глаза у него были усталые, в красных прожилках. — Два раза за утро. Первый раз — из главка, штатно, по сводке. Второй — не штатно. Чей звонок, не скажу, но скажу одно: интересуются делом Кравцова. И очень хотят, чтобы оно было закрыто красиво и быстро.

Воронцов хмыкнул.

— Красиво — это как? Уголовное дело — не торт, его украшать нечем.

— Не умничай, Саня. — Гордеев постучал ручкой по столу — той самой характерной дробью. — Красиво — это значит: подозреваемый, мотив, эпизод, признанка. Желательно — гастарбайтер какой-нибудь, чтобы суд за месяц прошёл и про дело все забыли. А ты со своим Циркулем и с какой-то квартирой, и со свидетелем, который у тебя где-то прячется, — это никому не красиво. Это всем неудобно.

— Гастарбайтера не было, Олег Петрович.

— Найди.

Воронцов посмотрел на начальника. Молча. Гордеев тоже посмотрел на него. И первым отвёл глаза.

— Я не говорю — лепи, — сказал он тише. — Я говорю — думай. У нас по району висит две сотни дел нераскрытых. Каждое раскрытое — это плюс. Каждое затянутое — это минус. У нас и так показатели за квартал — швах. Если ты сейчас раскрутишь Циркуля, потащишь его в суд, а он отобьёт-

ся через адвоката — а он отобьётся, ты сам сказал, у него алиби, бригада скорой, камеры, — то у нас не просто минус. У нас скандал. Уважаемого человека таскали, не доказали, прокуратура пишет представление, главк нас имеет, как сидорову козу. Понимаешь?

— Понимаю.

— А есть ведь и другой путь. Гастарбайтер залез в гараж, наткнулся на хозяина, ударил, убежал. Бывает? Бывает. Каждую неделю по сводке. Толика жалко — но Толика уже не вернёшь. А дело закроем. И тебя похвалят. И мне дадут спокойно дослужить.

Воронцов сидел, смотрел в одну точку. Дослужить — это было ключевое слово. Гордееву до пенсии оставалось полтора года. Полтора года, после которых — дача, рыбалка, внуки, тихая старость. И ради этой тихой старости он сейчас был готов закрыть глаза много на что. Воронцов это понимал. Он сам, дай Бог, доживёт до своих полутора лет до пенсии — будет, может, не лучше.

Но дело Толика — это было личное. Не потому, что Толик был ему близок. А потому, что Толик жил дверь в дверь, и его убийца, может быть, ходил мимо двери Воронцова. И этот убийца сейчас курил ту самую «Приму» где-то в Москве, спокойный и уверенный, что его прикроют сверху. А Воронцову не нравилось, когда были уверены в его прикрытии. У него на этот счёт были свои представления.

— Олег Петрович, — сказал он спокойно. — Я гастарбай-

тера лепить не буду. Не потому, что я герой. А потому, что это всплывёт. Кто-нибудь обязательно потянет за ниточку — журналист, правозащитник, сестра потерпевшего та же — и потянет так, что мне с тобой обоим придётся объясняться не у главка, а в другом месте. Я знаешь, как сделаю? Я отработаю по-честному. Если упрусь в стену — закроем как «нераскрытое» и положим на полку. Это в наших показателях не хуже, чем плохой обвинительный. А если найду — найду по-настоящему.

Гордеев молчал долго. Покачал головой.

— Упрямый ты, Саня. И ведь не пьёшь даже как следует, чтобы тебя в этом обвинить. Прямо хоть приставляй к тебе кого-нибудь.

— Не приставляй. Я обижусь.

— Я не приставлю. Но и прикрывать не буду. Если на тебя сверху начнут давить — я пас. Скажу: Воронцов работает самостоятельно, не докладывает, в курсе не держит. Понял?

— Понял, — сказал Воронцов. Это была обычная сделка: начальник снимает с себя ответственность, опер берёт её на себя. По всем правилам неписаной службы. — Олег Петрович, а кто звонил, всё-таки?

Гордеев помедлил. Потом, как бы между прочим, сказал:

— Не звонок, а пожелание. Через третьи руки. Знаешь Мельникова Сергея Петровича?

Воронцов медленно выпрямился. Мельников Сергей Петрович. ИП, «Гелендваген», номер с тремя семёрками.

— Слышал, — сказал он осторожно. — А он что?

— А он, Саня, не «что», а «кто». Депутат муниципального собрания. Бывший. И — учредитель пары риелторских фирм по нашему району. Фирмы тихие, занимаются расселением хрущёвок. Под реновацию и просто так — выкупом у одиноких, спившихся, должников. Ты понял?

Воронцов понял. И понял многое сразу.

— То есть «не лезь» от Циркуля — это «не лезь» от Мельникова.

— Циркуль на Мельникова работает, — сказал Гордеев, понизив голос. — Не напрямую, конечно. Но Циркуль выбивает долги, давит на тех, кто упирается. А Мельников через свои фирмы потом оформляет «добровольные» продажи квартир по цене ниже рыночной. Схема в районе работает лет пять. Все знают, никто не лезет. Потому что Мельников через своих в управе, в префектуре, в нашем главке тоже. У него ниточек — паутина. Я тебе это сейчас говорю не для протокола, понял? Это разговор двух старых ментов на кухне.

— Понял.

— И вот теперь подумай. Толик жил в хрущёвке. У него доля в квартире. Долг у Циркуля. Это та самая схема. Толик заартачился — может, не хотел продавать, может, торговался, может, сестра его подбивала. Его обработали. Не получилось — убили. А теперь ты лезешь в эту схему — и хочешь её раскрутить. И сверху тебя глядят по голове и говорят: га-

старбайтер, Саня, гастарбайтер.

— А что с тобой будет, если я не послушаю?

— Со мной — ничего. Я отработаю как умею. А с тобой, Саня, может быть всякое. Перевод в другой отдел. Внеплановая проверка. Жалоба какая-нибудь — найдут на что, у каждого опера есть на что найти. Ну или просто — встретят вечером в подъезде. Это уже без главка, это от Циркуля.

Воронцов встал.

— Спасибо за расклад, Олег Петрович. Буду думать.

— Думай, Саня. Думай быстро. И вот ещё. — Гордеев тоже поднялся, подошёл к окну, отвернулся. — Если что — ты у меня не был. Этого разговора не было. Понял?

— Понял.

Воронцов вышел. В коридоре остановился, закурил прямо у окошка — плевать на запрет. Голова работала. Картинка вдруг стала ясной — пугающе ясной. Циркуль — пешка, хоть и крупная. За ним стоит Мельников. За Мельниковым — связи в управе и в главке. Это уже не убийство в гараже, это система. Большая, отлаженная, годами шлифованная. И Толик в ней — щепка. Маленькая, ненужная щепка, которая попала в шестерёнку и которую этой шестерёнкой выплюнуло, расколов череп.

И теперь Воронцов должен был решить: лезть дальше или нет.

Он знал ответ ещё до того, как задал себе вопрос.

В кабинете его ждал Игнатьев — с бумагами, с распечат-

ками, с обычным своим энтузиазмом.

— Сан Сергеич, я по Прохорову пробил. По старику, на которого бокс оформлен.

— И что?

— А того, что Прохоров Алексей Денисович умер. Два года назад. В доме престарелых в Тверской области. Тихо, без шума. Похоронен там же. Родственников официально не было.

Воронцов сел, закурил вторую подряд.

— То есть взносы за бокс уже два года платят за покойника.

— Платит Светлана Кравцова. Я её пробил тоже. Это не жена. Это сестра. Сестра Толика. Кравцова Светлана Викторовна, сорок восемь лет, прописана в Балашихе, по факту живёт там же. Работает старшим менеджером в риелторской фирме «Юг-Недвижимость». Угадай, кто учредитель?

Воронцов посмотрел на Игнатьева. Игнатьев улыбался — тонко, понимающе.

— Мельников Сергей Петрович, — сказал Воронцов медленно.

— Так точно. — Игнатьев перестал улыбаться. — Сан Сергеич, а вы откуда знаете?

— От Гордеева. Только что. — Воронцов медленно выпустил дым. — Денис, ты сейчас сел в очень глубокую яму. Я тебя ещё могу из неё вытащить — ты молодой, у тебя карьера, тебе не надо в это лезть. Я скажу: иди занимайся дру-

гим делом. Кражей в продуктовом, например. И ты пойдёшь. Никто на тебя не обидится.

Игнатъев смотрел на него секунд пять. Потом сказал:

— А вы пойдёте, Сан Сергеич?

— Я нет.

— Тогда и я нет.

Воронцов не улыбнулся. Только кивнул. И подумал, что зря он Игнатъева списывал в «студенческий энтузиазм». Парень, оказывается, не дурак. И не трус. Это в их работе редкая комбинация, и портить её рано.

— Тогда работаем. Светлана Кравцова. Сестра Толика. Работает у Мельникова. Платит за бокс, оформленный на покойного старика. Бокс, в котором её брата убили. Денис, ты понимаешь, что это значит?

— Что она в этом по уши.

— Минимум по уши. Максимум — она это и заказала.

— Родного брата?

— Денис, — сказал Воронцов устало. — Из-за квадратных метров в Москве братья сестёр убивают через одного. Не сами, конечно. Чужими руками. Но заказывают.

Они помолчали. На столе Воронцова заверещал телефон. Он посмотрел — номер был незнакомый, но не московский. Видимо, какая-то из тех мобильных «временок». Снял.

— Воронцов.

В трубке помолчали. Потом женский голос — низкий, прокуренный, уверенный, без тени волнения:

— Александр Сергеевич, здравствуйте. Это Светлана Кравцова. Сестра Анатолия. Я только что узнала про брата. Можем встретиться? Я приеду в Москву. Хотелось бы поговорить.

Воронцов сделал Игнатьеву страшные глаза и включил громкую связь.

— Светлана Викторовна, — сказал он ровно. — Конечно, можем. Очень кстати. Завтра в десять у меня в отделе вас устроит?

— Завтра не получится. Я хотела сегодня вечером. У меня очень мало времени, я улетаю послезавтра по работе в Сочи. Может, в семь вечера, в каком-нибудь кафе? Я не очень хочу в отдел, понимаете, это всё-таки...

— Понимаю. — Воронцов сделал паузу. — Хорошо. В семь. Кафе «Лира» на Авиамоторной, знаете? Угол с проспектом.

— Найду. До встречи.

Отключилась. Воронцов положил телефон. Посмотрел на Игнатьева.

— Слышал?

— Слышал. Очень спокойная женщина для той, кто только что узнала про смерть брата.

— Очень. — Воронцов задумался. — Денис, тут есть два варианта. Либо она настолько хладнокровная, что даже горе не выдавливает из неё ни капли. Либо она знает всё уже сутки, успела отрепетировать и теперь идёт к нам по сценарию.

Я ставлю на второе.

— Зачем она идёт?

— А ты подумай. У неё брат убит. Скандал. Дело ведёт мент, который сосед покойного, — то есть человек неудобный, который и так знает больше, чем нужно. Что бы сделал на её месте человек, который замешан?

— Прощупал бы. Посмотрел бы, что у мента в руках.

— Точно. А заодно — попробовал бы повести в нужную сторону. Подкинуть свою версию. Назвать своего «гастарбайтера». — Воронцов раздавил окурок. — Денис, едем подумать. Эту встречу я отыграю сам. Тебя там быть не должно — я хочу, чтобы она думала, что я один. Но ты будешь в зале, за столиком в углу. Слушать, смотреть. И если что — фотографировать. Скрытно, на телефон.

— Понял.

— И ещё. До семи вечера у нас есть пять часов. За эти пять часов мне нужны три вещи. Первое — официальный запрос в Росреестр по квартире Толика. Кто собственник, какие доли, есть ли обременения, не было ли попыток переоформления. Второе — данные по фирмам Мельникова, всем без исключения, со списком сделок за последний год по нашему району. И третье — заключение по ДНК с того окурка из Толиковой квартиры. Эксперты обещали к вечеру. Долбай их каждые полчаса, пока не выдадут.

— Сделаю.

— А я займусь Циркулем. С другой стороны. У меня есть

один человек, который мне должен. Поеду навещу.

Игнатъев кивнул и вышел. Воронцов остался сидеть один в кабинете, глядя на серое мартовское окно. По стеклу ползла капля. За окном ездили машины, шли люди, жил город. Большой, грязный, равнодушный.

Бумажная война началась. И теперь он, Воронцов, должен был успеть собрать на бумаге всё, что можно — пока сверху не пришла та самая бумага, после которой дело закрывается, а опер отправляется в отпуск по состоянию здоровья.

Он знал: успеет или нет — зависит от ближайших сорока восьми часов.

И от того, что скажет ему сегодня в семь вечера женщина с прокуренным голосом, которая платила за бокс мертвеца.

Глава 7. Двойное дно

Человечка, который Воронцову должен, звали Лёня. Полное имя — Леонид Маркович Зильберман, шестьдесят два года, профессия — нотариус. Точнее, бывший нотариус: лицензию у него отозвали лет шесть назад за одну некрасивую историю с поддельной доверенностью на квартиру, и тогда Воронцов, по своим причинам и не из доброты, а потому, что Лёня в обмен сдал ему трёх человек по другому делу, сделал так, чтобы уголовка против самого Лёни тихо ушла в землю. С тех пор Лёня работал в маленьком юридическом бюро на Семёновской — оформлял договоры купли-продажи, наследства, дарения, всякую гражданско-правовую мелочь, — и был обязан Воронцову. Не настолько, чтобы лечь костью, но достаточно, чтобы при звонке снимать трубку с первого гудка.

Лёня снял со второго. Видно, заработался.

— Сан Сергеич, рад слышать. Чем обязан?

— Лёня, мне надо в течение часа знать всё, что можно, про квартиру в одной хрущёвке. Двушка, пятый этаж. Собственники, доли, история переходов за последние десять лет, обременения, доверенности — всё. Я тебе сейчас адрес и фамилию скину эсэмэской. Сможешь?

— Сан Сергеич, вы же знаете, я в чужие базы не лазаю.

— Лёня. Я тебе про чужие базы и не говорю. Я говорю —

поспрашивай по своим. Через коллег. Через бывших ваших. Я знаю, что у вас цех тесный, кто-то кому-то всегда что-то должен. Час. Шестьдесят минут. И мы с тобой квиты по той истории шестилетней давности.

В трубке помолчали. Лёня обдумывал. Воронцов знал, что обдумывает — стоит ли цена. По прикидке Лёни, шесть лет назад его старая благодарность давно стоила меньше, чем риск нового знакомства с органами. Но конкретное предложение «квиты» — это уже разговор.

— Час — это вы загнули, — сказал Лёня наконец. — Реально — два. И ещё одно условие.

— Слушаю.

— Если по этой квартире когда-нибудь будет проверка — меня в ней не было. Я не знаю, что вы её мне присылали. Я с вами не разговаривал. У вас память отшибло.

— Принято.

— Тогда скидывайте.

Воронцов скинул адрес и сел в машину. Двух часов у него не было — встреча со Светланой Кравцовой была назначена на семь, а сейчас уже подбиралось к четырём. Но Лёня обещал двух часов «реально», а это значило — час сорок. Воронцов знал Лёню.

Поехал к себе домой. По дороге заскочил в магазин, купил полбутылки водки для деда, две пачки сигарет, банку шпрот и батон — собственный холодильник у него сейчас был пуст, как кошелёк инвалида. Дома кинул куртку на спинку стула,

поставил чайник, сел у окна. Подумал.

Картинка по делу за сутки разрослась так, что уже не помещалась в голову одним куском. Воронцов достал лист бумаги и стал, как делал всегда в таких случаях, рисовать схему. В центре — Толик, обведённый в кружок. От него стрелки. Циркуль — долг, триста пятьдесят. Сестра Светлана — бокс, риелторская фирма Мельникова. Мельников — джип с тремя семёрками, скупка квартир, связи в управе. От Циркуля стрелка к Мельникову — «работает на». От Светланы к Мельникову — «работает в».

И между Циркулем и Светланой Воронцов нарисовал пунктир. С вопросительным знаком. Прямой связи он пока не знал — но чувствовал, что она есть.

И отдельно, в углу листа, нарисовал маленький квадратик и подписал: «квартира». От квадратика — стрелки. Кому достанется. Кто наследник.

Вот в этом квадратике и сидело всё.

Воронцов закурил, прихлёбывая чай. По всей логике мента, который восемнадцать лет смотрит на чужие беды, схема выходила следующая. Толик имел долю в квартире — не один, не один. Сестра имела другую долю. Может, ещё кто-то — мать, например, если жива, или ещё какой-нибудь родственник. Толик жил в этой квартире, владел, ходил. Но юридически — был не единственный хозяин. Чтобы продать квартиру под расселение, нужно было согласие всех. Толик упирался. Может, не давал согласия. Может, торговался.

Может, шантажировал сестру: мол, не отдам долю, пока не получу столько-то.

Тогда сестре было выгодно одно: чтобы Толика не стало. Тогда его доля — по закону о наследовании — переходила, скорее всего, к ней же, если других наследников нет или они откажутся. И квартира уходила одной плитой, без споров и торгов.

Логично. По-человечески — мерзко, но логично.

Но почему именно сейчас? Почему именно через долг у Циркуля? Зачем такая сложная схема, если можно было просто отравить братца водкой или столкнуть с пятого этажа по пьяни? Воронцов думал и не находил ответа. И от этого ему делалось не легче, а хуже. Когда не находишь ответа — значит, какая-то деталь скрыта. И именно эта деталь обычно потом оказывается главной.

Телефон зазвонил без четверти шесть. Лёня.

— Сан Сергеич. Слушайте внимательно, я повторять не буду.

— Слушаю.

— Квартира, двухкомнатная, общая площадь сорок четыре и семь. Собственники — три человека по равным долям, по одной трети. Первое — Кравцов Анатолий Викторович, ваш покойник. Второе — Кравцова Светлана Викторовна, сестра. Третье — Кравцова Нина Алексеевна, тысяча девятьсот сорок девятого года рождения. Это мать. Внимание: мать жива. Прописана по этому же адресу, но фактически про-

живает в Балашихе, у дочери Светланы. Возраст семьдесят пять, по моим данным — в очень плохом состоянии, инсульт два года назад, лежащая. Дееспособность формально сохранена, но это вопрос.

— Так. — Воронцов взялся за ручку. — Дальше.

— Дальше интереснее. Месяц назад на квартиру наложено обременение. Залог. В обеспечение договора займа между Анатолием Кравцовым и физическим лицом — Цыбуленко Геннадием Игоревичем.

— То есть Толик заложил квартиру Циркулю?

— Не квартиру. Свою долю. Одну треть. На сумму триста пятьдесят тысяч рублей. Договор займа оформлен у нотариуса, всё чисто, по форме. Срок — двадцатое марта. Это позавчера. Дальше — по договору, если деньги не возвращены, доля переходит к займодавцу по отступному. То есть к Цыбуленко.

Воронцов медленно положил ручку. Закурил.

— Лёня. То есть на сегодняшний день треть квартиры покойного юридически принадлежит Циркулю?

— Будет принадлежать, как только Цыбуленко оформит. Сейчас идёт льготный срок, но раз срок пропущен, и должник умер — ему ничто не мешает в течение тридцати дней оформить переход. И он оформит, можете не сомневаться. С нотариусом у него, видимо, всё схвачено — тот, кто оформлял заём, оформит и переход.

— А кто оформлял заём?

— Нотариус с Авиамоторной. Я фамилию не назову, нельзя. Но скажу так: контора эта плотно работает с фирмами Мельникова. Все сделки по району идут через неё. Поняли?

— Понял. Дальше.

— А вот теперь, Сан Сергеич, самое интересное. Я полез глубже, по запросу через своего человека, и нашёл ещё одну бумажку. По которой и звоню. — Лёня сделал маленькую паузу, и в этой паузе Воронцов услышал нотариальную торжественность, которой Лёня, видимо, и в обычной жизни не утратил. — Десять дней назад в той же конторе зарегистрировано завещание. Завещатель — Кравцов Анатолий Викторович. Завещает он свою долю в квартире — внимание — не сестре. И не матери. А Цыбуленко Геннадию Игоревичу. С формулировкой: «в благодарность за оказанную помощь».

Воронцов несколько секунд молчал, переваривая.

— То есть Толик завещал свою треть Циркулю?

— По бумаге — да. Десять дней назад. Удостоверено надлежащим образом, нотариусом, в присутствии двух свидетелей. Завещание лежит у нотариуса в сейфе, копия — в реестре.

— Лёня. Это завещание — настоящее?

— Сан Сергеич, я в подлинности подписей участвовать не буду. Я вам сообщаю факт регистрации документа. А подлинная там подпись Кравцова или нет — это уже к экспертам. От себя скажу одно: Толик, по моим скромным наблюдениям за этой системой, такие завещания не пишет добро-

вольно. Их выбивают. Или подделывают.

— Но, если бы Толик умер своей смертью или несчастный случай — Циркуль бы получил долю и по залогу, и по завещанию. Двойная страховка.

— Именно. И ещё одна деталь, Сан Сергеич. Я посмотрел движения по этой квартире глубже, лет на пять назад. Доли по одной трети устоялись с момента смерти отца, Виктора Кравцова — восемь лет назад, наследство разделили поровну между матерью, сыном и дочерью. И с тех пор Светлана Кравцова дважды пыталась через мать переоформить материнскую долю на себя — по договору дарения. Один раз пять лет назад, второй — два года назад, как раз перед инсультом матери. Оба раза сделки до конца не дошли — кто-то их останавливал. Думаю, угадайте кто.

— Толик.

— Скорее всего. Без его согласия квартиру было не продать целиком. И, видимо, между братом и сестрой шла тихая, долгая, безобразная семейная война за эти квадратные метры. И, видимо, кто-то решил эту войну закончить.

Воронцов медленно закрыл глаза. Картинка наконец сложилась — вся, целиком, с двойным дном.

— Лёня, — сказал он. — С тебя долг. С меня — спасибо.

— Квиты, Сан Сергеич?

— Квиты.

— Тогда удачи. И знаете что? Я вам этого не говорил, но скажу. Будьте осторожны. Эта контора на Авиамоторной —

не та, в которую заходят с прокурорским запросом и спокойно выходят. Они в случае чего тут же звонят туда, куда надо, и через два часа у вас будут проблемы. Если вы хотите чего-то добиться по этому завещанию — действуйте через стороннего нотариуса. Я могу подсказать, к кому идти. Но не сейчас. Завтра.

— Хорошо. Спасибо, Лёня.

— Берегите себя, Сан Сергеич.

Воронцов положил телефон. Сидел минуту, не двигаясь. Потом встал, прошёлся по кухне. Закурил ещё одну.

Двойное дно. Долг — это была верхушка, легенда, прикрытие. Триста пятьдесят тысяч Циркулю — это не деньги. Это инструмент. Толика подвели под этот заём специально, чтобы получить юридический рычаг на его долю. А когда стало ясно, что одного залога мало — потому что Толик ещё мог расплатиться, мог занять у кого-то ещё, мог скандалить, упираться, — придумали вторую страховку: завещание. И когда обе страховки уже были в кармане, оставалось только одно — устранить самого Толика.

И тогда — внимание — выгодополучателей становилось двое. Циркуль получал по бумагам треть квартиры. Светлана — спокойную возможность дожать мать на дарственную и оставшуюся треть и потом продать всю квартиру скопом через фирму Мельникова. По цене, конечно, ниже рыночной, но с маржой, которую все три участника поделают между собой.

Толик во всём этом был не персонажем. Толик был препятствием. И препятствие устранили.

Кто конкретно махал арматурой — это уже был технический вопрос. Циркуль сам не пошёл бы — он не дурак, у него алиби со скорой, с давлением, с женой. Послал бы кого-то. Может, того, кто потом сиганул из Толиковой квартиры через окно. Того, кто курил «Приму» на подоконнике и искал, видимо, ту самую тетрадку с долгами — чтобы убрать любые следы, которые могли бы связать Толика с Циркулем.

Тетрадку он не нашёл. Воронцов нашёл первым.

Это была единственная пока удача в этом деле.

Воронцов посмотрел на часы. Половина седьмого. Через полчаса — встреча в кафе «Лира». И теперь Воронцов шёл туда не с тем, с чем собирался ехать ещё час назад. Не с пустыми руками. С двойным дном на руках.

Он набрал Игнатъева.

— Денис. Где ты?

— В отделе. Жду ДНК — обещают вот-вот. И из Росреестра пришёл ответ, я смотрю.

— Не смотри, я тебе сам сейчас расскажу. Слушай.

И коротко, по делу, Воронцов пересказал Игнатьеву всё, что узнал от Лёни. Без имён, без источника — просто факты. Игнатьев молчал, дослушал до конца. Потом сказал:

— Сан Сергеич. Это же готовое дело. Это же мотив, средство, выгодополучатели — всё.

— Это материал, Денис. Не дело. Дело надо ещё собирать.

И собирать так, чтобы ни один адвокат потом не отвертел. У нас на руках сейчас разговоры. Чужие бумаги, добытые непонятно как. Слова деда, который в любой момент может отказаться. Никакой суд это не съест.

— А что съест?

— Признание. Чьё-то. Или вещественные. Или ещё одно тело — но это нам с тобой не подарок. — Воронцов помолчал. — Так. Слушай план. Я сейчас еду на встречу со Светланой. Один. Ты — за столиком в углу, я тебе уже говорил. Но теперь по-другому: я её буду давить. Не сильно, но точечно. По матери. По завещанию. По доле Циркуля. Я не покажу всех карт, но покажу две-три. И посмотрю на реакцию. Если она хладнокровна — будет легко, не дрогнет. Если у неё нервы — где-то даст трещину. Мне нужна трещина. Маленькая, но настоящая.

— А потом?

— А потом — по обстановке. Если она расколется — повезём ночью в отдел и оформляем. Если нет — отпустим, и завтра начинаем работать по другим каналам. У меня уже есть идея, через кого зайти. Но это завтра.

— Понял. Я выехал.

Воронцов положил телефон. Постоял у окна. На улице давно стемнело, и мокрые крыши хрущёвок отражали жёлтый свет фонарей. Где-то там, в Балашихе, лежала на диване у дочери семидесятипятилетняя Нина Алексеевна Кравцова, у которой за последние два года умер муж, а теперь и

сын. И, видимо, никто ей пока не сказал, что сын умер. И, может быть, не скажут вообще — потому что зачем ей лишнее волнение, insult второй раз. Так и подпишет дарственную, ничего не зная.

Воронцов вдруг очень устало подумал: вот это, наверное, и есть самое поганое во всём этом деле. Не арматура в висок. Не бумажка в гараже. А то, что родную мать обманывают на смерти родного сына. Что её, лежащую, превращают в инструмент — последний инструмент в этой долгой, тихой, безобразной квартирной войне.

Он надел куртку, проверил, на месте ли пистолет, и вышел из квартиры. На лестничной клетке постоял секунду перед опечатанной дверью Толика. Сорок третья квартира. Одна треть — теперь у Циркуля. Одна треть — у матери, которой ничего не скажут. Одна треть — у сестры, которая в семь вечера придёт пить с ним кофе и врать ему в глаза.

— Ну что, Анатолий Викторович, — сказал Воронцов тихо в железную дверь. — Поедем к твоей сестричке. Покажем ей фотокарточки.

Спустился по лестнице. Сел в машину. Завёл двигатель. До «Лиры» было пять минут езды. И тридцать минут до того, как Воронцов посмотрит в глаза человеку, который, скорее всего, заказал собственного брата за треть двухкомнатной хрущёвки на пятом этаже без лифта.

В обычный мартовский вечер. В обычной Москве. По обычной, ничем не примечательной, до тошноты знакомой

схеме.

Глава 8. Семейные тайны

Кафе «Ли́ра» было из тех заведений, что доживают свой век на первых этажах хрущёвок вместе с самими хрущёвками: дешёвый ремонт десятилетней давности, пластиковые стулья под дерево, меню в ламинированных листах, запах подгоревшего масла из кухни и вечно работающий телевизор под потолком, по которому крутили какой-то сериал без звука. В семь вечера во вторник народу было мало — пара студентов над одной пиццей, мужик с пивом в углу да официантка, скучающая у барной стойки.

Воронцов пришёл за десять минут до срока. Сел так, чтобы видеть дверь, и чтобы за спиной была стена — старая привычка, вьёвшаяся намертво. Игнатъев пришёл следом, через пару минут, не глядя на Воронцова, сел через два столика, заказал чай и уткнулся в телефон, как обычный посетитель. Воронцов взял кофе. Кофе тут был плохой, растворимый, но Воронцову было всё равно. Он закурил — в «Лире» на запрет смотрели сквозь пальцы, лишь бы платили, — и стал ждать.

Светлана Кравцова появилась ровно в семь. Воронцов узнал её сразу — не по приметам даже, а по тому, как она вошла. Уверенно, спокойно, без суеты. Высокая, лет под пятьдесят, в дорогом тёмном пальто, с короткой стрижкой и лицом, на котором косметика лежала ровно, профессионально,

как маска. Лицо это было красивое в молодости и сейчас ещё держалось — но держалось холодно, без тепла. Она оглядела зал одним движением глаз — Воронцов отметил, что на Игнатьева взгляд скользнул и не задержался, — нашла Воронцова, подошла, села напротив.

— Александр Сергеевич?

— Он самый. Светлана Викторовна. Соболезную.

— Спасибо. — Она сказала это так, как говорят «спасибо» официанту. Сняла перчатки, положила на стол. Руки у неё были ухоженные, с маникюром, но Воронцов заметил — на правой, у основания большого пальца, тонкий старый шрам. — Я закажу чай. Вы не против?

— Заказывайте.

Она подозвала официантку, заказала зелёный чай без сахара. Воронцов наблюдал за ней и думал: вот человек, который только что потерял родного брата, единственного, насколько он знал. И в этом человеке — ни дрожи в голосе, ни красных глаз, ни той суетливости, какая бывает у людей в горе. Только спокойствие. Хорошо отрепетированное, выдержанное спокойствие.

— Я вас слушаю, — сказала она, когда официантка отошла. — Вы ведь сосед Толи. Я знаю. Он мне про вас рассказывал. Говорил — мент с пятого этажа, мужик нормальный.

— Рассказывал? — Воронцов чуть приподнял бровь. — А я думал, вы с ним не очень-то общались.

Она не моргнула.

— По-разному было. В последний год — мало. Раньше — больше. Брат всё-таки.

— Когда вы его в последний раз видели?

— Недели три назад. Приезжала к нему. Поговорить.

— О чём?

Светлана посмотрела на него прямо. Глаза у неё были серые, как у брата на фотографии у моря, — фамильные глаза. Но если на той фотографии в них было что-то живое, то здесь — только лёд.

— О квартире, — сказала она спокойно. — Чего уж там. Вы наверняка уже знаете, что у нас квартира на троих. Я, он и мама. Я давно предлагала продать — мама лежащая, я за ней ухаживаю в Балашихе, деньги нужны на сиделок, на лекарства. А Толя упирался. Жил в ней, пил в ней, гостей водил — и ни в какую. Вот и приезжала. В очередной раз.

Честно. Слишком честно. Воронцов отметил и это. Человек, которому есть что скрывать, обычно либо уходит от темы, либо врёт. А Светлана сама, первой, выложила мотив — квартиру. Это был ход умного человека. Спрятать главное на самом видном месте. Показать: да, у нас был конфликт из-за квартиры, мне нечего скрывать, потому что любой дурак это и так выяснит.

— И как он, упирался?

— Упирался. — Она пожала плечами. — Орал, что это его дом, что он никуда не съедет. Что я его, мол, на улицу хочу выкинуть. А я ему: Толя, не на улицу, тебе же доля по-

ложена, купишь себе однушку где-нибудь, ещё и останется. Но он же не слышал ничего. Пьющий человек — он логику не воспринимает. Только обиду.

— А долг у него был. Знали?

Тут она сделала маленькую паузу. Совсем маленькую — на полсекунды. Но Воронцов её поймал.

— Знала, — сказала Светлана. — Он мне жаловался. Занял где-то, не отдаёт, его трясут. Я ему говорила: продай долю, отдай долг, и голова не болит. А он — нет, нет. Вот и долежался.

— А у кого занял — знаете?

— Нет. Он не говорил. Какие-то бандиты, я так поняла.

Врёт, подумал Воронцов спокойно. Знает, у кого занял. Заём у Циркуля оформлен через нотариуса месяц назад. Через ту самую контору, что работает с фирмой Мельникова. Через фирму, где она, Светлана, старший менеджер. Не знать она не могла. Но врёт легко, гладко, без напряжения. Профессионально.

Воронцов отхлебнул кофе. Решил начать давить — не сильно, точно, как и планировал.

— Светлана Викторовна. А вы в фирме «Юг-Недвижимость» работаете, верно?

Опять полсекунды паузы. Но теперь она уже знала, что он знает, — и не стала отрицать.

— Работаю. А это к делу относится?

— Не знаю пока. Может, и относится. У вас фирма рассе-

лением занимается. Хрущёвками. Вот я и думаю — вы своему брату не предлагали через свою фирму квартиру продать? По-семейному, со скидкой?

— Предлагала, — сказала она ровно. — А что в этом плохого? Это нормальная схема. Фирма выкупает, людей расселяют. Толе было бы только лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.